

**Федеральное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»**

О. А. Белоусова

**ИСТОРИЯ ТЮРЕМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

учебное пособие

*рекомендовано Центром обеспечения
учебно-воспитательной работы ФСИН России*

Новокузнецк, 2019

УДК 343.81 (091)
ББК 67.7
Б 43

Рецензенты:

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук **О. А. Голикова**;
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО
«Сибирский государственный индустриальный университет»,
кандидат исторических наук, доцент **А. В. Шмыглева**

Белоусова О. А.

Б 43 История тюрем Западной Сибири: досоветский период : учебное
пособие / канд. ист. наук, доц О. А. Белоусова. — Новокузнецк: ФКОУ
ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2019. — 44 с.

ISBN 978-5-91246-123-1

Учебное пособие адресовано курсантам, слушателям и студентам образовательных организаций ФСИН России, обучающимся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность», а также всем, интересующимся историей уголовно-исполнительной системы России.

УДК 343.81 (091)
ББК 67.7

Выполнено по заявке ФКУ ЦОУВР ФСИН России от 10.07.2018

Одобрено ФКУ ЦОУВР ФСИН России (акт приемки НИР от 25.12.2019)

*Рассмотрено и одобрено на заседании Методического совета
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
протокол № 12 от 19 июля 2019 года;
рекомендовано к изданию решением
Совета по научной и редакционно-издательской деятельности
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
протокол № 7 от 29 июля 2019 года*

ISBN 978-5-91246-123-1

© ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Тюменский тюремный замок.....	9
2. Тюремная система Тобольска в досоветский период	10
3. Тарская уездная тюрьма.....	14
4. Тюремная система Омска в досоветский период	15
5. Каинская уездная тюрьма	17
6. Тюремная система Томска в досоветский период.....	18
7. Мариинский тюремный замок.....	21
8. Кузнецкий тюремный замок	22
9. Тюрьмы Алтая в досоветский период	25
Список использованных источников и литературы.....	27
Приложения. Описание тюрем Западной Сибири в произведениях XIX века	28
Дж. Кеннан «Сибирь и ссылка»	28
Ф. М. Достоевский «Записки из мертвого дома»	30
В. Г. Короленко «Яшка».....	38
П. Кропоткин «В русских и французских тюрьмах»	40

ВВЕДЕНИЕ

Московско-Сибирский тракт — дорога путешественников, ученых и каторжников

Началом русской колонизации Сибири принято считать 1 сентября 1581 г., когда отряд казаков под предводительством Ермака выступил в поход за Большой Камень или Каменный Пояс (Урал). На рубеже XVI–XVII вв. за Уральским хребтом были основаны русские города Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут, Тара, Обдорск (Салехард).

В 1708 г. царь Петр I провел административно-территориальную реформу, в результате которой была создана Сибирская губерния с центром в Тобольске. В 1712 г. Сибирская губерния была разделена на пять провинций.

В 1730 г. началось строительство Сибирского тракта, в результате чего резко вырос приток поселенцев в Западную Сибирь и возникли новые города, лежавшие преимущественно вдоль Сибирского тракта.

По административной реформе М. М. Сперанского в 1822 г. Азиатская Россия (территория от Урала до Дальнего Востока) была разделена на два генерал-губернаторства — Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. Центром Западной Сибири был объявлен город Тобольск; в ее состав вошли Тобольская, Томская губернии и Омская область. Столицей Восточной Сибири (Иркутская губерния, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление) стал Иркутск. Губернии делились на округа, округа — на волости и инородческие управы.

С 1653 г. Сибирь стала использоваться властью как место ссылки воров, разбойников, политических противников власти. В ходе дворцовых переворотов на поселение в западносибирский город Березов был сослан А. Меньщиков с семьей. В Илимскую ссылку был отправлен автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищев. При Екатерине Великой на каторгу осудили участников пугачевского бунта. В начале XIX в. приток ссыльных пополнился декабристами, поляками — участниками национально-освободительного движения, петрашевцами и другими. Строем прошел в ссылку сводный батальон Семеновского гвардейского полка из 450 человек (солдаты восстали против непомерной строгости и жесткой муштры со стороны своего командира).

Осужденных гнали на восток по Сибирскому тракту. У этой дороги было множество названий: Московско-Сибирский, Московско-Иркутский тракт, но наиболее распространенным стало «Великий кандалный путь». Дорога состояла из нескольких участков. Самый старейший — из Москвы до Тобольска — был открыт еще в 1598 г. Окончательно оформилась дорога к концу XVIII в. Она была важнейшей транспортной и торговой артерией страны.

Пеший путь от Москвы до крайней точки Кандалного пути — Нерчинска — занимал у каторжников от 1 года до 1,5 лет и не входил в срок наказания. До реформ Александра I осужденные в дороге ночевали прямо в

поле или лесу, не имея возможности ни обсохнуть, ни укрыться от непогоды. Вместе с ними все тяготы пути ложились и на плечи конвоя.

В начале XIX в. вдоль тракта стали строить этапные тюрьмы (для реформирования этапа, смены конвоя, лечения арестантов и пр.) и полуэтапные тюрьмы (для ночлега между дневными переходами). Вдоль дороги были высажены деревья (чтобы путники не сбились с пути в темноте, в непогоду), а расположенные вдоль тракта деревни были обязаны следить за состоянием своих участков.

Подробное описание этапных и полуэтапных тюрем представлено в исследовании М. Н. Гернета «История царской тюрьмы»:

«В каждом этапе выстроено по два отдельных корпуса, один для офицеров и команды, другой для арестантов или колодников. Первый фасадом на улицу. С крыльца вход в коридор или сени, которыми все здание разделяется на две половины; налево две комнаты для офицера, с прихожей и кухнею; а направо две казармы — ближайшая ко входу для инвалидов солдат, а другая для конвойных казаков. Другой корпус той же длины, и совершенно против первого на дворе — разделен также на две половины, и в каждой по две казармы, из которых две первые направо и налево для поселщиков, третья направо для одних женщин, разделена поперечной стеной на две, из коих дальняя назначена для следующих в каторжную работу, а ближняя — для назначенных на поселение. В эту казарму вход с особого двора. Четвертая налево, точно так же разделена на две казармы: дальняя для каторжных, а ближняя для поселщиков, если в первых двух казармах не поместятся. По правее этого корпуса, на отдельном женском дворе устроена баня, а на особом совершенно дворе, влево от обоих корпусов, находятся конюшни и кладовые. Все эти здания обнесены высоким тыном, примыкающим к передней стене первого корпуса, по обоим сторонам которого находятся двое ворот; правые на главный двор, а левые на двор с конюшнями. На приложенном чертеже все это яснее видеть можно. Все строения деревянные. Главные корпуса на каменном фундаменте, обиты тесом и выкрашены желтой краскою. Вообще наружность содержится в чистоте и опрятности.

<...> Полуэтапы устроены гораздо проще. Четырехугольный двор, огороженный сплошным и высоким тыном, в который входят одни ворота с калиткою. По правую сторону ворот, внутри, в самом углу караульня для солдат; по левую, также в углу конюшня; посредине двора — казарма с коридором или продолговатыми сенями, в которых четыре двери: две направо и налево в большие номера, и третья прямо в меньший номер, кои все три назначены для поселщиков; четвертая дверь направо в узенькие сенцы, из которых уже дверь в четвертый номер, куда запирают кандальников, т. е. идущих в каторжную работу, так что они проводят ночь за двумя замками»¹.

---

¹ Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.

В ходе проверок строительства этапных и полуэтапных тюрем регулярно выявлялись огромные хищения. Местная администрация заставляла крестьян бесплатно поставлять лес и выполнять работы. Здания были выстроены некачественно, и стали быстро разрушаться (Мариинская тюрьма, например, не выдержала 30 лет).

Тюремное начальство пыталось поддерживать этапные тюрьмы в удовлетворительном состоянии. Однако деревянные «заплатки» на стенах, в прогнивших полах и крышах ситуацию не спасали. Тюремные этапы стали показателем взяточничества и казнокрадства в Российской империи.

Транссибирская магистраль, построенная в 1861–1916 гг., сильно снизила значение Московско-Сибирского тракта. Со временем сгладился его профиль, были срыты боковые валы, запаханы канавы. Фрагмент тракта образца XVIII века практически в первозданном виде сохранился на территории Омской области.

Развитию пенитенциарной системы Западной Сибири способствовали реформы Александра I. В 1808 г. вышел указ «О постройках во всех губерниях Российской империи тюремных замков», типовой проект которых был разработан архитектором А. Д. Захаровым. И если в XVIII в. тюремных острогов в Западной Сибири было всего 5 — в Омске, Таре, Тобольске, Томске и Ялуторовске, то в XIX в. их численность увеличилась до 14 (не считая каторжных и пересыльных тюрем). Росту числа мест заключения способствовал также рост числа преступлений, совершаемых местными жителями: поджоги, убийства, разбой, грабежи. Отдельной строкой шло бродяжничество. Тюремные смотрители отмечали такой факт: весной-летом из тюремных замков часто бежали бродяги, лето они проводили на воле, а к зиме практически добровольно сдавались полиции, чтобы «перезимовать» в тюрьме. В XIX — начале XX вв. Западная Сибирь являлась одним из важнейших

регионов Российской империи, который предназначался для ссылки и тюремного заключения уголовных преступников. В 1833 г. сибирские губернии были объединены под надзор в Сибирский жандармский округ.

Сибирские тюрьмы были похожи одна на другую. Увидел одну — увидел их все. Еще Екатерина II хотела упорядочить не только условия содержания, но и внешний вид тюремных замков. Однако средств у государства в XVIII в. на это не было. В итоге тюрьмы возникали хаотично, часто на месте старых крепостных или административных сооружений. Однако различающиеся внешне, по своему внутреннему распорядку они были абсолютно сходны.

В XVII в. охраной тюрьмы занимались стрельцы, позже — караульные военного гарнизона. За состояние отвечали целовальники, воеводы, городничие, полицмейстеры. В XIX в. были созданы специальные конвойные команды.

Для предупреждения побегов как с этапа, так и с самой каторги в XIX в. всем осужденным без исключения, вне зависимости от конечной цели пути, от тяжести свершенного деяния стали брить половину головы и сбривать один ус.

Условия содержания арестантов везде оставляли желать лучшего. Камеры были зачастую переполнены, сами тюремные здания находились в аварийном состоянии. Обеспечение одеждой и обувью, питанием, лечением было слабым. Телесные наказания, предусмотренные режимом заключения, собственно произвол тюремной администрации вызывали разные формы сопротивления арестантов: бунты, побеги, голодовки, самоубийства.

Тюремная реформа 1879 г. была призвана, в том числе, изменить условия содержания заключенных. Были введены требования к качеству одежды и обуви: полушубки должны были изготавливаться из прочной овчины и шерсти; устанавливалась плотность ткани для формы (белый холст, количество нитей на один дюйм ткани не менее 32 на 72); сапоги шили из черной юфти (гладкой кожи), пропитанной салом и дегтем. На зиму предполагалось выдавать меховую обувь — «коты». Однако на практике заключенные Западной Сибири чаще всего носили лапти: сапоги и «коты» не выдерживали установленного им срока. Личные вещи разрешалось иметь лишь представителям привилегированных сословий (если они не были лишены судом всех прав состояния), лицам, сосланным в Сибирь на жительство и членам семей осужденных.

Пытались бороться местные власти и с плохим санитарным состоянием мест заключения. Одной из основных проблем была невозможность регулярного мытья арестантов и смены белья. Тюремные бани имели маленькую пропускную способность. В Западной Сибири сложилась практика мытья заключенных дважды в месяц (по закону требовалось мытье не реже одного раза в неделю). Если баня прекращала работать по техническим причинам, тюремная администрация вынуждена была водить заключенных в частные городские бани, оплачивая это из тюремных средств.

Важной статьёй расходов и показателем тюремной жизни являлось питание заключенных. Несмотря на увеличение финансирования к концу XIX в.,

в местах лишения свободы Западной Сибири питание также оставляло желать лучшего. Например, на одного арестанта в день в Тобольской каторжной тюрьме отпускалось 6–9 копеек в сутки, в Кузнецком тюремном замке — 7 копеек в сутки, в Тарской тюрьме — 9 копеек, в Енисейской — 3–4 копейки. Порции были маленькими, нормы рациона не выдерживались. К концу XIX в. правительство сократило размер финансирования питания в тюрьмах Западной Сибири (оно стало самым низким во всей Российской империи), аргументируя это тем, что заключенные имеют дополнительные заработки в тюрьме, а значит, могут сами оплачивать еду.

1. ТЮМЕНСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК

Тюмень была заложена в 1586 г. на караванной дороге из Средней Азии в Поволжье. Тюмень часто подвергалась нападениям кочевников, поэтому до XVIII в. основным населением здесь были служилые люди. С 1709 г. Тюмень входила в состав Сибирской губернии, а в 1782 г. стала уездным городом Тобольского наместничества.

В 1783–1786 гг. по указу императрицы Екатерины II в Тюмени был построен тюремный острог, предназначенный для отбывания наказания уголовных преступников, а также для временного содержания пересыльных арестантов. Трехэтажное здание возводили на окраине города на пустыре. Сюда прибывали по Сибирскому тракту закованные в кандалы воры, убийцы, разбойники и осужденные по политическим мотивам.

Через Тюменскую тюрьму прошли писатели Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, А. С. Грин¹, представители революционной интеллигенции.

В середине XIX в. Тюменский острог был переименован в Тюремный замок, а затем в Центральную Тюменскую пересыльную тюрьму. С проведением Сибирской железной дороги, а затем с отменой ссылки, тюрьма утратила статус пересыльной и официально стала уездной.

На американского журналиста Дж. Кеннана во время его путешествия по тюрьмам Сибири в 1885–1886 гг. Тюменский тюремный замок произвел тяжелое впечатление: превышение лимита содержащихся заключенных, антисанитария, «омерзительный воздух, в котором не осталось ни атома кислорода». Впрочем, то же самое можно было смело сказать про любую тюрьму Сибири.

Помочь тюменским арестантам старалась как сама тюремная администрация, так и богатые горожане-меценаты. К концу XIX в. были выстроены дома для женщин, следовавших за заключенными-мужьями. Купец А. Текутьев в молодости сам был заключенным тюменской тюрьмы. Выйдя на свободу, купец стал директором тюменского отделения Попечительского о тюрьмах общества, активно участвовал в улучшении условий содержания заключенных и их нравственном исправлении. На территории тюрьмы на средства купцов Андрея Текутьева и Ивана Решетникова существовала школа. На средства И. Решетникова была построена каменная Богородицкая церковь.

Купчиха Е. Текутьева, помимо прочего, устраивала для детей арестантов различные праздники. В январе 1913 г. она организовала для них на

---

¹ Александр Грин (1880–1932) — русский писатель-прозаик и поэт. Отец — С. Е. Гриневский, польский шляхтич, за участие в восстании 1863 г. был бессрочно сослан в Колывань Томской губернии, однако позже получил разрешение переехать в Вятскую губернию. В 1903 г. его сын Александр Грин был арестован в Севастополе за «речи противоправительственного содержания» и распространение революционных идей. Год провел в тюрьме, был осужден на 10 лет ссылки в Сибирь.

В октябре 1905 г. А. Грина освободили по общей амнистии, но уже в январе 1906 г. снова арестовали в Петербурге и выслали на четыре года в город Туринск Тобольской губернии. Там он пробыл всего три дня и сбежал. Скончался в 1932 г. в Старом Крыму от рака желудка.

территории тюрьмы новогоднюю елку: «На елке было 24 ребенка от 8 месяцев до 8 лет. Перед началом елки дети были напоены чаем с бутербродами и сладостями. Под новогодней елкой были разложены детям новейшие вещи. Часть пожертвований была отдана больным женщинам, служанкам и арестанткам. Елку посетила местная благотворительница Евдокия Яковлевна Текутьева, которая организовала этот праздник»¹.

Здание тюрьмы сохранилось до настоящего времени и функционирует как часть следственного изолятора.

2. ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА ТОБОЛЬСКА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Тобольск основан служилыми людьми в 1587 г. по указу царя Федора Иоанновича в месте слияния рек Иртыша и Тобола. Он стал форпостом в продвижении русских на восток, в XVII в. — столицей Сибири, а в XVIII в. — Тобольской губернии, самой большой в Российской империи. Тобольск торговал с Бухарой и Китаем. С 1620 г. здесь находилось сибирское архиепископство. Тобольский кремль — единственный выстроенный за Уралом из камня. Однако каменным он стал только в XVIII в., до этого на его месте, как и в других городах Сибири, стояли деревянные сооружения. На территории деревянного кремля, в его северо-западной части находилась и первая в Тобольске тюрьма.

Город уже с середины XVII в. стал популярным местом ссылки. Так, в 1653 г. в Тобольск прибыл вместе со своей семьей протопоп Аввакум. Добирались они из Москвы на подводах в течение трех месяцев.

Однако в числе первых преступников в Тобольске оказались не люди, а колокол из города Углича.

15 мая 1591 г. в Угличе трагически погиб царевич Дмитрий. По приказу Марии Нагой пономарь Федот Огурец принялся звонить в набатный колокол, висевший на колокольне Спасского собора. Угличане, узнав таким образом о гибели наследника престола, учинили самосуд и расправились с предполагаемыми убийцами. Борис Годунов наказал всех. Участников самосуда казнили либо, вырвав язык «за смелые речи», направили в ссылку. Набатный колокол постигла та же участь. Его обвинили в призыве народа к восстанию против бояр, сбросили со Спасской колокольни, вырвали язык, отрубили ухо, принародно на площади нанесли 12 ударов плетью и направили вместе с другими угличанами в Сибирь.

Целый год осужденные на себе тащили набатный колокол в Тобольск. В будущей столице Сибири воевода князь Лобанов-Ростовский приказал выбить на колоколе надпись «первоссылный неодушевленный с Углича» и запереть его в приказной избе.

Позже колокол водрузили на колокольню церкви Всемилоственного Спаса, а оттуда — на Софийскую соборную колокольню Тобольского крем-

---

¹ Страницы истории. Мать Евдокия. URL: <https://tyumedia.ru/22077.html> (дата обращения: 17.07.2019).

ля. Споры о дальнейшей судьбе колокола ведутся и сегодня. По официальной версии, в 1677 г. во время пожара колокол «расплавился, раздался без остатка»¹. В XVIII в. был отлит новый колокол, равный по весу, но отличающийся по форме. Павел Конюсевич, митрополит Сибирский и Тобольский, приказал сделать на нем надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку во град Тобольск к церкви всемилостивого Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитный, весу в нем 19 пуд. 20 ф.»².

В XIX в. колокол повесили в Крестовой архиерейской церкви, а в 1890 г. колокол стал собственностью Тобольского музея.

В XVIII в. в Тобольске останавливались направлявшиеся в ссылку в город Березов князь А. Меншиков с семьей, князь А. Долгорукий, граф А. Остерман. В XIX в. на поселении в Тобольске жили декабристы А. Муравьев, И. Свистунов, И. Анненков, М. Фонвизин, А. Бяргинский и др.

До реформирования тюремной системы Александром II пенитенциарная система Тобольской губернии включала в себя 370 учреждений различного назначения, вмещавших в себя до 50 тыс. человек³: 8 тюремных замков; военно-каторжное отделение; пересыльную тюрьму в Тюмени; 239 этапных тюрем; 250 каталажных камер при сельских волостных правлениях и полицейских управлениях; гаупвахту при местном воинском гарнизоне⁴. Основной задачей пенитенциарной системы было этапирование арестантов. Через Тобольск проходил Великий кандалный путь.

Собственно тюремный замок в Тобольске был построен после того, как во время своего путешествия по Сибири наследник престола Александр ужаснулся тесноте и ветхости старого деревянного тюремного острога. Проектировал тюремный замок тобольский архитектор Вейзель. Под здание было выделено место в центре города напротив главного городского собора на месте Троицкой церкви. Строительство велось с 1841 по 1855 гг.

Тюремный замок являлся частью этапной системы и выполнял функции пересыльно-каторжной тюрьмы. Он состоял из пяти строений, включавших: штаб, больничный корпус, блок № 1 для особо опасных заключенных, блок № 2 для политических и блок № 3 — этапный, внешне выполненных в стиле позднего классицизма⁵. При каждом корпусе имелся прогулочный двор, взрослые заключенные гуляли ежедневно по 1 часу, несовершеннолетние — по 2 часа. Лишение прогулки было одним из видов наказания, применяемых тюремными смотрителями. В тюрьме также имелись карцеры: «горячий» (одна стена его являлась стенкой печи, на которой надзиратели гото-

---

¹ Подлинная история ссыльного углического колокола. URL: <http://www.kolokola.ru/history/uglich1.htm> (дата обращения: 28.07.2019).

² Там же.

³ Бортникова, О. Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/razviti-penitentsiarnoy-sistemy-tobolskoy-gubernii-v-kontse-xix-nachale-hh-vv> (дата обращения: 28.07.2019).

⁴ Там же.

⁵ Тюремный замок. URL: <https://megalektsii.ru/s19605t3.html> (дата обращения: 28.07.2019).

вили себе пищу), “темный” (без света), “холодный” (согревались только собственным дыханием), “мокрый” (приходилось стоять по щиколотку в воде), “горбатый” (с низким потолком), “стакан” (где можно было только стоять)»¹.

Блоки были изолированы друг от друга, заключенные попасть из одного корпуса в другой практически не могли. Камеры, двери, входные ворота оставались запертыми целыми сутками. В тюрьме сохранялась жесточайшая дисциплина, строгая регламентация жизни. Это делалось во избежание побегов (ни одного успешного за всю историю тюрьмы), возможного общения арестантов между собой или направления информации «на волю». Режим Тобольской тюрьмы считался одним из самых тяжелых в Российской империи.

Для особо опасных или агрессивных арестантов было предусмотрено одиночное заключение. Это являлось наиболее тяжким испытанием. Одиночная камера представляла собой небольшое помещение (ширина — 115 см, длина — 320 см, высота — 320 см) с деревянным полом, окном, деревянными нарами, столом и стулом, ведром для испражнений. Во всех камерах было плохо с освещением, сыро, холодно, тесно. Заключенным разрешалось держать несколько книг².

В свободное от работы время неграмотные арестанты обучались грамоте под руководством священника. За этим следил Попечительный о тюрьмах комитет. В штате тюрьмы было 25 надзирателей. В тюремной больнице имелся врач, два фельдшера, смотритель больницы.

Через Тобольский тюремный замок проходили осужденные, следовавшие на каторгу вместе с семьями. В связи с чем при тюрьме организовали сиропитательное заведение (детский приют).

В Тобольской тюрьме имелась небольшая православная церковь, а также молитвенные помещения для иудеев и мусульман. На время постов и больших религиозных праздников иноверцев переводили сюда из всех городских мест заключения. Для представителей прочих религий культовых помещений не было, но при необходимости администрация приглашала духовных лиц.

В трехэтажном больничном корпусе располагалось 10 палат, кухня, подсобные помещения, аптека, кабинеты и даже ванны. Тяжелые условия содержания способствовали частой заболеваемости арестантов и их высокой смертности. Наиболее распространенным заболеванием была чахотка. Однако в тюремную больницу арестанты идти не хотели, так как время нахождения в ней вычиталось из срока заключения. Денег на лечение выделялось недостаточно. Условия содержания в больнице также были плохими. В 1845 г. в Тобольск на поселение прибыл декабрист Фердинанд Богданович Вольф. Он бесплатно работал врачом в Тобольском тюремном замке, часто на свои средства покупал медикаменты и медицинскую литературу³.

---

¹ Тюремный замок. URL: <https://megalektsii.ru/s19605t3.html> (дата обращения: 28.07.2019).

² Там же.

³ Бортникова, О. Н. Указ. соч.

Стены Тобольского тюремного замка видели уголовных преступников, умалишенных, русских писателей, народовольцев, революционеров. В XIX в. здесь побывали В. Г. Короленко¹ (дважды), Н. Г. Чернышевский², Ф. М. Достоевский³.

Ф. М. Достоевский, осужденный по делу петрашевцев, был приговорен к 4 годам каторжных работ в Омске. Его путь к месту заключения, как и путь других каторжан, проходил через Тобольск. В тюремном замке Тобольска он пробыл две недели в ожидании следующего этапа. Здесь его навестили жены проживавших в тобольской ссылке декабристов Наталья Фонвизина, Жозефина Муравьева и Полина Анненкова с дочерью. Н. Фонвизина передала Ф. М. Достоевскому Евангелие со спрятанными внутри 10 рублями.

В одиночной камере отбывал срок русский писатель, журналист, общественный деятель, правозащитник, почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности В. Г. Короленко. Первое пребывание в Тобольской тюрьме (1880 г.) В. Г. Короленко описал в рассказе «Яшка»⁴, второе — в «Истории моего современника».

---

¹ Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — писатель, журналист, публицист, общественный деятель, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью как в годы царской власти, так и в период Гражданской войны и советской власти. За связь с революционным движением неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Критиковал красный террор периода Гражданской войны. Значительная часть литературных произведений писателя навеяна впечатлениями о проведенном на юге России детстве и ссылкой в Сибирь.

В. Г. Короленко родился в Житомире в семье уездного судьи. В 1876–1877 гг. за участие в народнических студенческих кружках он был исключен из академии в Москве и выслан в Кронштадт под надзор полиции. Весной 1879 г. по подозрению в революционной деятельности В. Г. Короленко вновь был исключен из института и выслан в Вятскую губернию, затем в Сибирь. 9 августа 1880 г. вместе с партией ссыльных прибыл в Томск для дальнейшего следования на восток. Получил разрешение вернуться в Пермь, однако в марте 1881 г. отказался от индивидуальной присяги новому царю Александру III и снова был выслан в Сибирь. Вторично прибыл в Томск в тюремный замок. Срок ссылки (6 лет) в Сибири отбывал в Якутской области в Амгинской слободе. Умер 25 декабря 1921 г. в г. Полтава.

² Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — русский философ-материалист, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, литературный критик, публицист и писатель. Родился в семье Гавриила Ивановича Чернышевского, происходившего из крепостных крестьян. Окончил Саратовскую духовную семинарию, Петербургский университет. Работал в Саратовской гимназии, потом в Петербургском кадетском корпусе.

В 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован по обвинению в составлении прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и приговорен к ссылке на каторгу на 14 лет, а затем на поселение в Сибирь пожизненно. Александр II сократил срок каторжных работ до 7 лет, в целом Чернышевский пробыл в тюрьме, на каторге и в ссылке свыше двадцати лет. В 1889 г. Н. Г. Чернышевскому разрешили вернуться в Саратов, где он и скончался 17 октября 1889 г. от кровоизлияния в мозг.

³ Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) — русский писатель, философ и публицист. Член-корреспондент Петербургской АН с 1877 г. Родился в Москве, окончил Петербургское Главное инженерное училище и был направлен на военную службу. Решив посвятить себя литературе, ушел в отставку в 1844 г. в чине поручика. За участие в кружке петрашевцев в 1849 г. был приговорен к лишению всех прав состояния и «смертной казни расстрелянием». Смертный приговор был заменен четырехлетней каторгой с последующим определением в солдаты. Провел 4 года каторги в Омске, затем был направлен на поселение в Семипалатинск.

Помилование Ф. М. Достоевскому с разрешением публиковаться было объявлено в 1857 г. Умер в 1881 г. от туберкулеза легких.

⁴ См. приложения.

С началом революционных волнений 1905 г. в Тобольской тюрьме выросло количество политических заключенных, в том числе из числа военно-служащих, обвиняемых в убийствах, разбое, грабежах, участии в восстаниях, мятежах, нарушениях воинской дисциплины, распространении нелегальной литературы и др.

В июле 1907 г. арестанты тобольской тюрьмы подняли восстание, которое было подавлено, зачинщики — расстреляны. В ответ на это в городе был убит начальник тюрьмы А. Г. Богоявленский. Новый начальник И. С. Могилев даже не пытался изменить условия содержания в тюрьме. Началось новое восстание, в ходе которого погиб один надзиратель. Восстание снова было подавлено, 13 человек — повешены.

В 1917 г. в Тобольск прибыл на пароходе отрекшийся от престола последний русский император Николай II с семьей. В губернаторском доме, где их поселили, Романовы прожили вплоть до апреля 1918 г.

Тюрьма сохранилась до наших дней и функционирует сейчас как музейный объект.

3. ТАРСКАЯ УЕЗДНАЯ ТЮРЬМА

Крепость Тара была основана в 1594 г. Центром постепенно разрастающегося города был острог, где находился дом воеводы, караульня и тюремный двор. Город со дня основания был местом ссылки. Первыми ссыльными стали крестьяне, стрельцы, военнопленные литовцы и поляки. В XIX в. недалеко от Тары основали Екатерининский казенный винокуренный завод, где также использовали труд ссыльных. В Таре отбывали ссылку декабристы, народники.

Необходимость строительства в Таре каменного здания тюрьмы появилась во второй четверти XIX в. Однако работы шли медленно. К 1845 г. был выстроен лишь один двухэтажный мужской корпус.

С 1879 г. общее руководство всеми тюрьмами Российской империи осуществляло Главное тюремное управление. На местах учреждались губернские тюремные инспекции. После образования Главного тюремного управления в 1879 г. Тарская уездная тюрьма была выведена в подчинение Тобольской губернской тюремной инспекции.

Тюрьма была предназначена для содержания общеуголовных арестантов мужчин и женщин срочного разряда (от 2 месяцев до 2 лет), осужденных за политические или уголовные преступления, а также для подследственных заключенных. Кроме того, Тарская тюрьма выполняла функции пересыльной¹.

К 1842 г. назрела необходимость постройки в Таре каменного здания тюрьмы. Постройка началась, но к 1845 г. под тюремное здание был выстроен лишь один двухэтажный корпус на 7 общих камер для размещения подсудимых мужчин. Разместить всех поступающих во вновь выстроенное здание

---

¹ Тимченко, Ю. В. Тарская уездная тюрьма в начале XX века // Исторический архив Омской области // URL: <http://iaoo.ru/note192.html> (дата обращения: 28.07.2019).

тюрьмы оказалось невозможным, и еще около 10 лет они размещались в казармах старой тюрьмы. В конечном виде Тарская тюрьма представляла собой двухэтажное здание, состоявшее из трех корпусов, рассчитанных на 102 человека. Камеры были постоянно переполнены. Так, по состоянию на 1910 г. в тюрьме находилось 215 арестантов, на 1914 г. — 173, на 1917 г. — 169¹.

Большинство арестантов Тарской тюрьмы были осуждены за уголовные преступления против собственности (кража, разбой) и против личности (побои, убийства). По социальному составу среди заключенных преобладающим сословием было крестьянство. Но в тюрьме находились и другие социальные группы: так, в 1915 г. в нее были помещены военнопленные Австрийской армии. В количестве 51 человека они были приговорены к строгому аресту на 20 суток каждый на хлебе и воде за отказ от работы.

С началом Первой мировой войны правительство озабочилось увеличением численности армии, потому в ее ряды принимались и арестанты, годные по состоянию здоровья к военной службе, не лишенные прав состояния, срок отбывания наказания которых составлял один год. Такие заключенные по своему желанию отправлялись на безвозмездные военно-инженерные работы, производимые на фронтах. День таких работ считался за день определенного им тюремного заключения².

Для улучшения питания арестантов администрация тюрьмы арендовала городские земли под огород. Часть продовольствия, одежды и обуви закупалась у местного купечества. Нравственное воспитание арестованных возлагалось на местного священника. В 1914–1915 гг. в тюремных мастерских изготавливалась мебель, заключенные занимались также строительными и малярными работами.

В настоящее время в здании бывшего тюремного замка находится следственный изолятор.

4. ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА ОМСКА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Омская крепость была основана в 1716 г. в месте слияния рек Оми и Иртыша. Одной из причин ее возникновения стала потребность Петра I в финансах, а Сибирь представляла собой богатый золотом и пушниной край. С ростом торговли, расширением транспортных путей росла значимость этого поселения для страны. В 1782 г. Омская крепость получила статус уездного города, а к началу XIX в. Омск уже являлся крупнейшим городом за Уральским хребтом. В 1822 г. город стал резиденцией генерал-губернатора и столицей Западной Сибири.

В XVIII веке одной из демографических особенностей сибирских городов вообще, и Омска в частности, был дефицит женщин. Так, например, в Омске в середине XVIII в. в среднем на 3 мужчин приходилась 1 женщина. Население Омской крепости составляли военные, свободные переселенцы,

---

¹ Тимченко, Ю. В. Указ. соч.

² Там же.

купцы и «подлые люди», сосланные за различные преступления после «торговой казни». Власти приняли решение о «снабжении русских поселенцев женами».

Женщин в Сибирь отправляли из числа осужденных: «Большинство женщин отправлялось в Сибирь за поджоги и за убийство детей, а оба эти преступления вызываются ревностью и обуславливают в ссыльной женщине присутствие пылких страстей»¹. Здесь могла выйти замуж любая, вне зависимости от возраста (от 15 до 50 лет) и социального положения (и вдова, и мать-одиночка).

Первая деревянная одноэтажная тюрьма была выстроена почти сразу после основания крепости. Через город проходил Великий кандалный путь, и пересыльная тюрьма Омска быстро стала главной на Иртышской этапной линии. Здесь осужденных распределяли на каторжные работы в другие остроги. Отбыв срок заключения, многие оставались в Омске на поселение. В 1807 г. в городе было выстроено новое деревянное тюремное здание. С ростом антиправительственных настроений в 1840-е гг. в Омск начинают высылать революционно настроенную интеллигенцию, ссыльнокаторжных «гражданского разряда», лишенных всех прав состояния. Каторга уравнивала всех людей, вне зависимости от сословной принадлежности. Здесь в общей камере находились участники крестьянских выступлений, рабочие крепостных мануфактур, интеллигенция, военные (перед направлением их в сибирские линейные батальоны).

Наверное, самым известным узником Омского тюремного замка стал Ф. М. Достоевский. Он прибыл сюда из Тобольска и провел в Омской каторге 4 года. В своей книге «Записки из мертвого дома» писатель дал подробное описание как самой тюрьмы, так и образа жизни осужденных².

На каторге формировалась собственная криминальная субкультура. Так, все заключенные назывались «ватага», во главе которой стояли осужденные за тяжкие преступления преступники — «большаки».

Для облегчения работы надзирателей арестантам брили головы особым образом в зависимости от разряда: срочным выбривали переднюю часть половины головы от уха до уха, бессрочным — от затылка ко лбу левую сторону. Также практиковалось клеймение арестантов: на щеки и лоб наносили буквы ВОР или КАТ (каторжник).

В XIX в. установилась форма каторжан — арестантская роба с желтым тузом на спине и ножные кандалы весом 4–5 килограммов. Кандалы снимали только с умершего человека.

Часто использовали телесные наказания — битье розгами, палками, шомполами.

На каторге осужденные обязаны были работать. Во время пребывания в Омске Ф. М. Достоевского арестанты на берегу Иртыша ежедневно разбирали старые лодки, обжигали и дробили алебастр, месили глину, разгребали снег и отхожие места, ремонтировали здания на городских улицах. От обяза-

---

¹ Максимов, С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900.

² См. приложения.

тельных работ освобождал лазарет, праздники и великие посты. Часто по пути следования на место работ арестанты получали от местных жителей милостыню — мелкие монеты или еду.

Здание тюрьмы было очень ветхим и маленьким. В связи с невозможностью вместить сюда всех заключенных, в 1843 г. тюремный острог был переименован в тюремный замок и переведен в здание общественного презрения, а в 1855 г. за окраиной города был заложен тюремный замок на 150 человек. За основу были взяты идеи «Проекта положения о тюрьмах» Екатерины II. Построенное трехэтажное здание имело огромные для своего времени размеры, было окружено каменной 3,5-метровой стеной, внешне напоминало букву «Е». На каждом этаже имелись церковные помещения с амвоном. Штат тюрьмы состоял из смотрителя и надзирателей, охраной тюрьмы занимался караульный офицер с командой.

Первый этаж предназначался для заключенных с особо строгим режимом, в кандалах. Второй этаж — для заключенных со строгим режимом, без кандалов. На третьем этаже — остальные, без кандалов. Арестанты, пришедшие по этапу и направляющиеся дальше, размещались в полуподвальном помещении. Там же находились 7 карцеров, помещения для кипячения воды, сапожная и портновская мастерские. Отопление было печное, водопровода и канализации не имелось.

В 1904 г. Омский тюремный замок был переименован в областную тюрьму, став местом заключения общего устройства.

В советское время здание тюрьмы несколько раз перестраивалось, продолжая выполнять свою основную функцию — изоляцию преступников.

5. КАИНСКАЯ УЕЗДНАЯ ТЮРЬМА

Город Каинск основан в 1722 г. на левом берегу речки Каинки, впадающей в Омь. Первоначальное предназначение поселения — защита территории от нападения калмыков и киргизов. Почти сразу через Каинск был проложен Московско-Сибирский тракт, и городок стал важным пунктом на пути из Омска в Томск. Со временем продвижение русских на восток оставило поселение в глубоком тылу. Здесь начинают селиться ссыльные и крестьяне, а в 1782 г. Каинск получает статус уездного города. Ссыльных в городе и вокруг него вообще было крайне много. Заселение ими данной территории производилось по распоряжению Сената.

В связи с тем, что через город проходила часть Великого кандалного пути, на начале XIX в. здесь была построена этапно-пересыльная тюрьма (первое пенитенциарное учреждение на территории современной Новосибирской области). Для строительства была выбрана самая точка города — Савкина грива, удаленная от самого Каинска на 2,5 версты. Точной даты строительства нет. Известно, что в 1831 г. в Каинске был построен этапно-пересыльный лазарет, а в 1850 г. — лазарет военный. Каинское отделение Попечительного о тюрьмах общества на пожертвования с 1857 по 1859 гг. вело строительство церкви при остроге.

За почти сто лет через город прошли на каторгу в Восточную Сибирь декабристы, петрашевцы, народовольцы, польские националисты, революционеры. В Каинске также имелся эшафот, где плетью и розгами наказывали ссыльных и местных жителей. Эшафот снесли в 1905 г.

В 1891 г. тюрьма сгорела. Новую разместили в одном из административных зданий в центре города. Эта дата сегодня считается датой основания исправительного учреждения в Каинске.

После Октябрьской революции здание несколько раз перестраивали. В настоящее время оно продолжает функционировать как место лишения свободы.

6. ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА ТОМСКА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Томский губернский тюремный замок

Город Томск был основан в 1604 г. и имел важнейшее стратегическое значение для продвижения русских на восток. В XVII в. жителями города было отражено 4 крупных набега кочевников. В XVIII в., с расширением границ Российской империи, набеги прекратились, город потерял свое оборонительное значение и на долгое время стал символом политической ссылки. В Томске отбывали наказание И. Ганнибал¹, Г. Батеньков, М. Бакунин и др.

Пенитенциарная система возникла вместе с городом. Первая тюрьма была образована в Томске одновременно с самой крепостью. Первоначально, как и в других острогах, она имела вид погреба, позже для арестантов выделили небольшое деревянное сооружение. Здесь содержались стрельцы, заложники из местной инородной знати, ссыльные, направляющиеся через Томск дальше на восток.

В 1804 г. была образована Томская губерния. Все пенитенциарные учреждения были переданы в ведение губернатора, общих присутственных мест и особого тюремного отделения. С 1822 г. действовала экспедиция о ссыльных, с 1844 г. — Томский попечительный о тюрьмах комитет. В его состав входили чиновники, священнослужители, прокурор, представители купечества и др. Комитет занимался вопросами религиозного и нравственного воспитания заключенных, надзор за хозяйственной частью мест заключения. Томский комитет был довольно многочисленным. В 1872 г. в него входило

---

¹ Абрам Петрович Ганнибал (1696–1781) — российский военный инженер, генерал-аншеф, прадед А. С. Пушкина. Ибрагим был сыном чернокожего африканского князя — вассала турецкого султана. В 1703 г. его захватили в плен и отправили в султанский дворец в Константинополе. В 1704 г. русский посол привез его в Москву, где через год тот был крещен. Крестным отцом был Петр I, в православии Ибрагим получил отчество Петрович. С 1756 г. — главный военный инженер русской армии, в 1759 г. у получил звание генерал-аншефа. В 1762 г. вышел в отставку.

После смерти Петра I Ганнибал пристал к партии недовольных возвышением Александра Меншикова, за что был отправлен в Сибирь в 1727 г. С 1729 г. содержался под арестом в Томске. В январе 1730 г. состоялось назначение Ганнибала майором в тобольский гарнизон, а в сентябре — перевод капитаном в Инженерный корпус, где Ганнибал числился до увольнения в отставку в 1733 г.. Умер генерал-аншефом в 1781 г.

два вице-президента и 30 директоров, дамское отделение состояло из председательницы и 20 директрис¹. Комитет с незначительными перерывами существовал до 1918 г. В 1891 г. приступила к работе Томская губернская тюремная инспекция.

В связи с ростом числа заключенных возникла необходимость строительства в Томске нового здания тюрьмы. В 1836–1839 гг. по проекту архитектора Карла Турского был выстроен трехэтажный каменный губернский тюремный замок, рассчитанный на 500 человек. Первый тюремный замок построили в 1836–1839 гг. В отличие от Тобольска, в Томске тюремный замок был вынесен на городскую окраину, на улицу Тюремную. Здесь содержались следственные, срочные и пересыльные заключенные. В связи с постоянной переполненностью тюрьмы (например, в 1857 г. здесь содержалось 900 человек)² ее несколько раз расширяли. В результате вместимость выросла до 1000 человек.

Среди пересыльных заключенных Томского тюремного замка были авантюрист-потомок Бурбонов граф де Тулуз-Лотрек³, маршал Польши Юзеф-Климент Пилсудский⁴, президент Финляндии Пьер-Эвид Свинхувуд⁵, писатель Владимир Короленко.

---

¹ История Томской УИС // URL: <http://www.70.fsin.su/Tomsk/ucTopu9.php> (дата обращения: 28.07.2019).

² Там же.

³ Граф де Тулуз-Лотрек (Николай Савин) — бывший корнет гвардии Российской империи, лишенный всех прав состояния, мошенник, осужденный московским судом и сосланный в Сибирь. Бежал за границу, в Европе продолжил преступную деятельность. Имея прекрасное воспитание, свободно владея иностранными языками, присвоил себе выдуманное имя графа Тулуз-де-Лотрека и вписался в европейское светское общество. Под этим именем Н. Савин заключил несколько браков с целью получения приданного в Европе и Америке. При попытке получения обманом в банке Лиссабона крупной суммы денег был арестован. Власти Лиссабона выяснили его настоящее имя и выдали преступника русскому правительству.

⁴ Юзеф Клеменс Пилсудский (1867–1935) — польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрожденного Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.

Родился в богатой шляхетской семье, ведущей родословную с начала XVI в., в родовом доме под Вильной. Обучаясь на медицинском факультете Харьковского университета, в 1887 г. был арестован за причастность к заговору, направленному на убийство императора Александра III. Был приговорен к 5 годам ссылки в Восточную Сибирь. За участие в бунте 8 декабря 1887 г. получил дополнительно полгода тюремного заключения.

По возвращении из Сибири Пилсудский вступил в создававшуюся Польскую социалистическую партию. С ноября 1918 г. являлся временным Начальником государства. Умер в 1935 г. от рака печени в Варшаве.

⁵ Пер Эвид Свинхувуд (1861–1944) — финский политический деятель, президент Финляндии в 1931–1937 гг. Родился в семье морского офицера, получил степень магистра искусств, магистра права. Начал свою карьеру как адвокат в окружных судах. В 1914 г., будучи председателем уездного суда, отказался признавать полномочия присланного из России прокурорского чиновника, за что был сослан в сибирский поселок Тымск, а в 1915 г. был переведен в Колывань. После возвращения из ссылки в 1917 г. был встречен как национальный герой.

В 1917–1918 гг. был председателем Сената Финляндии, затем — исполняющим обязанности главы государства. С 1930 по 1931 гг. был премьер-министром, а с 1931 по 1937 гг. — президентом Финляндии. Умер 29 февраля 1944 г. в городе Луумяки, Финляндия.

В 1873 г. появился указ, обязующий арестантов тюремных замков работать или обучаться ремеслу. В Томске, как и в других городах Сибири, заключенные возделывали тюремный огород, с которого получали около 13 000 ведер капусты в год. Для работы заключенным предоставлялись места на смолокурном, кирпичном заводах, швейной, столярной мастерских, основана сельскохозяйственная ферма.

Высокий уровень детской преступности к концу XIX в. заставил общественность и власти задуматься о том, как помочь детям и подросткам встать на путь исправления. Малолетние преступники вплоть до конца XIX в. содержались вместе с взрослыми, что никак не способствовало их исправлению. Наоборот, они окунались в мир тюремной «романтики» и прочно вставали на путь преступления. В 1896 г. в Томске было создано Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, призванное помочь оступившимся детям (первое за Уралом). Здесь содержались несовершеннолетние преступники. Общество существовало на пожертвования и иные доходы¹. Учреждение сохранилось до наших дней (сегодня это Томская воспитательная (девичья) колония № 2).

Пересыльная тюрьма

Расположение Томска определило его как один из крупнейших этапов на пути каторжников, следующих из Центральной России в Восточную Сибирь. В 1868–1871 гг. для нужд осужденных на окраине города была построена пересыльная тюрьма. Среди этапировавшихся было много политических: революционеры, поляки-участники национал-освободительного движения. Число осужденных постоянно возрастало: в 1869 г. еще не достроенная пересыльная тюрьма приняла чуть больше 10 тыс. человек, в 1889 г. — почти 14 тыс. человек². В конце XIX в. деревянные здания были заменены на каменные, однако проблема недостатка мест сохранялась.

Большая скученность заключенных, плохие санитарные условия приводили к вспышкам различных эпидемий, в том числе тифа. Это было опасно не только для самой тюрьмы, но и для всего города (городские эпидемии часто начинались именно с тюрем). Для предотвращения этого проводилась общая дезинфекция камер (жгли ветошь с раствором серы). Смертность арестантов от болезней была достаточно высокой. Так, в 1880 г. из 2269 больных умерло 208. Одним из наиболее известных и любимых в городе врачей был ссыльный поляк Флорентий Оржешко. Он служил в пересыльной тюрьме и губернском тюремном замке, принимал личное участие в ликвидации городских эпидемий.

Закон позволял сопровождать осужденного на каторгу членам его семьи. Так, с партией заключенных в Томск часто прибывали женщины и дети. Поэтому в 1854 г. при тюремном замке было открыто детское отделение

---

¹ Устав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов // URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-8119> (дата обращения: 28.07.2019).

² История Томской УИС // URL: <http://www.70.fsin.su/Tomsk/ucTopu9.php> (дата обращения: 28.07.2019).

(Владимирский детский приют), а в 1860 г. — женское отделение. Во Владимирском приюте содержались малолетние дети арестантов, сироты ссыльных, умерших на этапе между Тюменью и Томском, дети томских бедняков.

В связи с отменой ссылки в Сибирь в 1900 г. пересыльная тюрьма в Томске была закрыта, на ее основе в 1903 г. было создано Сибирское исправительно-арестантское отделение № 1 на 800 человек (Тобольское и Томское исправительно-арестантские отделения были закрыты). В советские годы тюрьма продолжала использоваться по своему прямому назначению. В настоящее время здесь расположен следственный изолятор № 1.

Арестантская рота гражданского ведомства

С середины XIX в. в отношении крестьян и мещан, совершивших мелкие преступления (чаще всего кражи), стали применять ссылку в арестантские роты (аналог ссылке на поселение для привилегированных сословий), срок заключения — до 1 года. В 1905 г. в Томской арестантской роте за первое в своей жизни участие в демонстрации сидел революционер С. Киров.

С 1855 г. под арестантскую роту в Томске было выделено отдельное здание на Еланской улице. Территория была большой, ограниченной служебными зданиями и кирпичным забором. При отделении имелась церковь Александра Невского, соединенная с тюрьмой деревянным переходом.

Заключенные Томской арестантской роты работали на кирпичном заводе, в кузницах и мастерских, мостили улицы, возили землю, гоняли коров. Работали охотно, так как за это доплачивали. Побег из роты были большой редкостью.

7. МАРИИНСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК

Селение Кийское, расположенное на левом берегу реки Кия, впервые упоминается в переписке сибирских воевод с 1699 г. После издания Сенатского Указа от 1733 г. о строительстве Московско-Сибирского тракта через Кийское прошел один из его участков, прозванный в народе Московским (западная часть) и Иркутским (восточная часть) трактом. Проходившие по кандалному пути заключенные в Кийском имели возможность немного передохнуть.

В 1791 г. через Кийское проехал в ссылку А. Н. Радищев, а в 1826 г. — осужденные на каторгу декабристы.

В 1829 г. возле поселения был поставлен деревянный полуэтап, рассчитанный на 70 человек. Он включал в себя два корпуса с камерами для арестованных, кардегарию для конвойной стражи, кухню, баню, ледник, склады. Здесь останавливались группы каторжан и ссыльных, следовавших к месту заключения из Томска. В 1857 г. Кийское получило статус города и было переименовано в Мариинск (в честь жены императора Александра II Марии Александровны). В связи с ростом уголовных преступлений город стал остро нуждаться в собственной тюрьме. На территории Мариинского полуэтапа

были сооружены дополнительные корпуса, куда стали направлять этапируемых, а в старых помещениях разместили срочно осужденных и подследственных, мужчин и женщин общим числом до 130 человек. Тюрьма получила название Мариинский тюремный замок Томской губернии.

Ревизия тюрем, проведенная в 1862 г. по указу правительства, выявила ветхое состояние Мариинского замка. Было принято решение о строительстве нового здания. Однако дело шло крайне медленно. В 1872 г. был утвержден проект, в 1875 г. — выбрано место под строительство. Томский купец Копылов, получивший подряд на строительство, внезапно умер. До 1906 г. велись судебные разбирательства по вопросам дальнейших работ. В итоге в 1911 г. под руководством архитектора А. И. Лангера строительство Мариинского тюремного замка возобновилось. Стройка была завершена только в 1916 г., и здание тюрьмы в форме буквы «П» высотой в 4 (центр и левое крыло) и 5 (правое крыло) этажей стало одним из самых больших в городе. В 1917 г. сюда привезли первых арестантов. В настоящее время здесь располагается СИЗО № 3, а само здание объявлено памятником архитектуры регионального значения.

8. КУЗНЕЦКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК¹

Кузнецкий острог был основан в 1618 г. на берегу реки Томи с целью утверждения русского присутствия на юге Сибири. В XVII–XVIII вв. растущий город отразил несколько крупных нападений местных кочевых племен, устоял, со временем превратившись из передовой линии обороны в глубокий тыл. В 1804 г. Кузнецк получил статус уездного города с собственным гербом и, конечно, тюрьмой.

Кузнецк, как и другие русские поселения, с начала своего существования в границах острога имел дом воеводы, церковь и сарай, использовавшийся под тюрьму. Впоследствии тюремный острог был вынесен на окраину города.

В конце XVIII в. над городом нависла угроза войны с Цинским Китаем. Для сдерживания агрессивных планов соседа на месте устаревшей деревянной крепости на Вознесенской горе принимается решение построить новую, каменную.

Возводили крепость 20 лет (1800–1820 гг.). На строительстве были заняты как вольнонаемные рабочие, так и заключенные Кузнецкого острога (уголовные преступники Кузнецка и Кузнецкого уезда). К моменту завершения строительства угроза со стороны Китая в отношении южно-сибирских русских земель исчезла, и крепость как военный объект стала государству не нужна. Власти начинают передавать здания на Вознесенской горе из одного

---

¹ См.: Белоусова, О. А. Из истории Кузнецкого тюремного замка // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 01. С. 111–115. URL: http://vui.fsin.su/upload/territory/Vui/vestnik/2006/Vestnik%201_2006.pdf (дата обращения: 28.07.2019).

ведомства в другое и в конце концов распродают на слом. В одной из солдатских казарм (1808 г. постройки) размещают Кузнецкий тюремный замок.

С середины 1840-х гг. пустующее здание солдатской казармы обнесли палями (высота частокола составляла 8 м) и перевели сюда заключенных.

Кузнецкий уезд занимал одно из ведущих мест в Томской губернии по количеству уголовных преступлений, таких как бродяжничество, грабежи, поджоги, драки на почве пьянства, убийства из ревности или жадности. Тюрьма Кузнецка всегда была переполнена: камера, рассчитанная на 50–60 человек, порой вмещала до сотни заключенных.

При тюрьме имелись кухня и подсобные помещения: погреба, амбары, сараи. «Поправка мелочных повреждений в Кузнецке казенных зданий» (ремонт печей, побелка стен, замена битых стекол, укрепление ограды) проводилась нерегулярно, и к середине 1860-х гг. острог приходит в упадок. В архивных документах встречаются предложения «постройки для этой надобности нового деревянного здания». Подобные проекты не нашли отклика у власти. «Устройство вместо исправления старого каменного здания для Кузнецкой тюрьмы нового деревянного, как более опасного в пожарном отношении, и требующее увеличения расхода от 3 до 4 тысяч рублей, *не допускать*».

В дальнейшем ремонт Кузнецкого тюремного замка производился по такой же схеме. В 1892 г. на «исправление ограды» вокруг здания деньги выделил Томский губернский попечительный о тюрьмах комитет. Из полученных 2948 руб. 33 коп. было истрачено 1940 руб., а остаток отправлен обратно в Томск, несмотря на настоятельные просьбы разрешить потратить его на ремонт бани и караульного помещения. В 1894–1899 гг. в тюрьме проводился капитальный ремонт: перестилали полы, переложили каменные голландские печи, заменили оконные рамы и т. д. Ремонт производился «за счет нормальных ремонтных кредитов, отпускаемых ежегодно на содержание в должной исправности тюремных зданий». Денег не хватило на то, чтобы поставить разделительную перегородку между женским и мужским отделениями.

В 1852 г. по предписанию вице-президента Томского губернского комитета Попечительного о тюрьмах общества были открыты отделения комитета в Барнауле, Бийске, Каинске и Кузнецке. В ведении Кузнецкого комитета находились тюремный острог, арестантская рота, тюремный госпиталь. При активном участии комитета в 1872 г. началось строительство Надвратной Ильинской церкви. Силами арестантов была разобрана башня Барнаульских ворот до сводов и на стенах ее построена церковь, снабженная колоколами и различной церковной утварью. Освящена она была 20 июня 1876 г.

Ильинская церковь не способна была принять большое количество заключенных, так что службы приходилось проводить на тюремном дворе. В документах об отправлении богослужения в Кузнецком тюремном замке встречается прошение о том, чтобы Его Превосходительство сделал распоряжение Кузнецким священникам (церковь относилась к приходу Спасо-Преображенского собора) принять на себя труд хотя бы изредка отправлять служение, так как в тюремном замке «молитвословие не производится».

Отдельным пунктом следует отметить наличие в Кузнецком тюремном замке лазарета. Во второй половине XIX в. тюремных больниц в губернии имелось только две — в Томске и Кузнецке. Лазарет в Кузнецке, к тому же, до 1908 г. был единственной больницей в городе, что придавало ему особую ценность. В нем находилось 10 чугунных коек, обеспечение медикаментами осуществлялось по мере надобности (на медикаменты в день на человека отпускалось по 3 коп.). Самым распространенным способом лечения являлось пускание крови, для чего использовались либо специальная машинка, либо ланцет. Машинка для пускания крови вместе с фарфоровыми ступками, пестами, стеклянными мензурками, мерными кружками, щипцами и другими предметами была найдена археологами во время раскопок казармы Кузнецкой крепости.

Однако воинский начальник, осматривая лазарет, заметил, что помещение неудобное, так как за неимением другого отдельного помещения больных арестанток помещают в одной комнате с арестантами, отгораживая женщин только ширмами. Число прислуги в лазарете было ограничено, караул находился вне палат, в связи с чем не было возможности следить за действиями больных, которые «иногда, быть может, меньше больные, чем нужно предполагать».

Важной характеристикой мест заключения всегда являлось питание. Съестные припасы для арестантов заготавливались хозяйственным способом на счет кормовых денег, отпущенных из казны. Сумма варьировалась от 1000 до 1500 руб. в год в зависимости от количества заключенных. В меню входили крупы, мясо и сливочное масло как одни из самых дешевых продуктов. В праздничные дни арестанты получали «улучшенную» пищу. Выручали еще и местное население, приносившее передачи родственникам, и благотворительные организации, членами которых являлись кузнецкие меценаты. Вообще же, по замечаниям современников, в тюрьме нередко питались лишь немногим хуже, чем дома. По словам З. М. Караваева, проработавшего надзирателем в Кузнецком тюремном замке с 1907 по 1918 г., заключенных здесь содержали хорошо. «Каждый день им выдавалось по три фунта (1227 г, или три современных булки) хлеба каждому. Утром — кипяток. Днем — суп. Вечером — каша. Иногда, когда не хочешь пойти домой кушать, сам налопаешься». Правда, «при свержении царя амнистии заключенным у нас не было, потому что в тюрьме сидели все сибиряки-уголовники».

К 1917 г., переломному для всей России, ситуация в провинциальном Кузнецке практически не изменилась. Инфляция, связанная с Первой мировой войной, заставила правительство повысить суммы на содержание заключенных, однако 60 коп. в 1917–1918 гг. в итоге мало чем отличались от 7 коп. 1890–х.

В числе условий, необходимых для нравственного исправления арестантов, главное место занимало, по мнению правительства и комитетов, «предохранение их от праздности». В связи с этим заключенные Кузнецкого тюремного замка активно занимались хозяйственными работами, например, очисткой базарной площади, отхожих мест и труб в городских общественных

зданиях. Некоторые исполняли обязанности поваров, хлебопеков и квасоваров при тюрьме, за что получали жалование. Женщины стирали белье, изготавливали корпий, заменяющий вату. Об этой деятельности в Санкт-Петербург уходили ежемесячные отчеты.

В тюрьме имелась небольшая библиотека для снабжения грамотных арестантов книгами нравственно-религиозного содержания, а также начальная школа, в которой обучались чтению, письму, первым правилам арифметики. Обучением занимались грамотные арестанты за вознаграждение.

Кузнецкий тюремный замок прекратил свое существование в декабре 1919 г. Во время гражданской войны в Кузнецк вошел отряд алтайских партизан под предводительством Рогова. В ходе беспорядков, учиненных роговцами, было сожжено и здание тюрьмы. Установившаяся вскоре советская власть отстраивать его не стала.

В настоящее время Кузнецкая крепость, образец сибирского военно-инженерного искусства, — единственная сохранившаяся за Уралом. Сегодня здесь располагается историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», часть экспозиции которого посвящена истории Кузнецкой тюрьмы.

9. ТЮРЬМЫ АЛТАЯ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В 1730 г. А. Демидов, арендовав земли на Алтае, заложил в районе деревни Усть-Барнаульская завод, чем положил начало строительства города Барнаул. В 1771 г. Барнаул получил статус «горного города». В XVIII — первой половине XIX вв. на Алтае выплавляли 90 % российского серебра. Барнаул быстро стал одним из крупнейших городов в Сибири.

В 1775 г. в Барнаул были доставлены участники крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Они работали на Змеиногорском руднике и содержались в строжайшей тайне, работали все время под землей по 15 часов в сутки в ручных и ножных кандалах.

Об алтайских тюрьмах и рудниках ходит множество легенд. Так, одной из самых ярких фигур среди сосланных в Барнаул пугачевцев был Иван Скоркин¹. В книге «Государством призванные» подполковник Кобелев приводит запись из архивных материалов: «Как он, Скоркин, к предерзостям склонный, за кои хотя и был наказан, но не служили ему нимало к поправлению развращенного его нрава, ибо по делу видно, что он, претерпя одно за

---

¹ Иван Скоркин — беглый солдат, участник пугачевского бунта. Родился в Белгороде. Мать неизвестна, отец, предположительно, один из дворян-канцеляристов (Яков Мясников или Иван Калинин). Вырос крепостным крестьянином. В 20 лет был отдан в солдаты вместо крестьянина Скоркина (так Иван получил фамилию). Одиннадцать раз убегал со службы. В бегах он выдавал себя за помещика или офицера. Никогда не называл свой полк и не выдавал помогавших ему людей. Был бит плетью, батогами и шпицрутенами. У Пугачева Скоркин занимался обеспечением войск подводами. Донские казаки поймали его под Хоперской крепостью. 1 мая 1775 г. Ивана Скоркина привезли в Барнаул. В пути арестанта охраняли два солдата и капрал. Он был закован в ножные и ручные кандалы, а по поясу пристегнут к кибитке железной скобой. Начальник Кольвано-Воскресенских заводов генерал-поручик Андрей Ирман распорядился отправить колодника в Змеиногорскую крепость. Точные даты рождения и смерти неизвестны.

другим наказанием, пускался паки в предрезности, а посему из военной службы его исключить, а послать на Колывано-Воскресенские заводы в работу вечно».

Скоркин содержался в одиночной камере, работал на рудниках, откуда пытался бежать. Это должно было стать его двенадцатым побегом. Однако в отличие от предыдущих, он оказался неудачным — отверстие шахты завалило камнями. На каторге И. Скоркин провел почти 14 лет и умер на рудниках в возрасте 55 лет. Одна из барнаульских легенд гласит, что в 1951 г. при разборе Змеевой горы была обнаружена подземная тюрьма-могила. В ней нашли цепи, кандалы, а также скелет человека, прикованного к тачке. По другой версии, в стенах первого этажа городского театра, расположенного на месте бывшей тюрьмы, нашли двух замурованных казачьих полковников-пугачевцев.

Тюремный замок в Барнауле был построен в 1825–1830 гг. Здесь содержалось 20–30 человек подследственных, а всего в трех горнозаводских тюрьмах Алтайского округа (змеиногорской, салаирской и барнаульской) находилось около 100 осужденных. Подследственных после приговора суда обычно направляли на работы в рудники.

В 1840 г. в Барнауле появился исправительный дом. В 1871 г. была построена тюрьма в Бийске. Еще одна романтическая легенда рассказывает, что купчиха Елена Морозова, желая, чтобы ее возлюбленного, оказавшегося преступником, не отправили на рудники отбывать наказание, дала денег на строительство городской тюрьмы.

До начала XIX в. в арестантских камерах после захода солнца не разрешали иметь освещение. Этот запрет был снят специальной инструкцией МВД, однако в горнозаводских тюрьмах Алтая света не было до середины XIX в. В 1846 г. городничий Иван Кулибин, внук знаменитого механика-самоучки, оплатил проведение освещения в камерах¹.

---

¹ Невольный Алтай. Легенды и были Алтайских колоний. 21.09.2007. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/nevolniy-altay-legendi-i-bili-altayskih-koloniy-12995> (дата обращения: 28.07.2019).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова, О. А. Из истории Кузнецкого тюремного замка // Вестник Владимирского юридического института. — 2006. — № 01. — С. 111–115. — URL: http://vui.fsin.su/upload/territory/Vui/vestnik/2006/Vestnik%201_2006.pdf (дата обращения: 17.07.2019).
2. Бортникова, О. Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — URL: <http://cheloveknauka.com/razvitie-penitentsiarnoy-sistemy-tobolskoj-gubernii-v-kontse-xix-nachale-hh-vv> (дата обращения: 17.07.2019).
3. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. — Т. 2. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.
4. Достоевский, Ф. М. Записки из мертвого дома. — URL: <https://ilibrary.ru/text/61/p.2/index.html> (дата обращения: 28.07.2019).
5. История Томской УИС. — URL: <http://www.70.fsin.su/Tomsk/ucTopu9.php> (дата обращения: 17.07.2019).
6. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. — СПб., 1906. — URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-7953/> (дата обращения: 28.07.2019).
7. Колесо истории. Енисейский острог // Человек и тюрьма. — 2007. — Вып. № 2. — март. — URL: <https://law.wikireading.ru/34233> (дата обращения: 28.07.2019).
8. Короленко, В. Г. Яшка. — URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/28782-vladimir-korolenko-yashka.html> (дата обращения: 28.07.2019).
9. Кропоткин, П. В русских и французских тюрьмах. — URL: <https://itexts.net/avtor-petr-alekseevich-kropotkin/200941-v-russkih-i-francuzskih-tyurmah-sovremennaya-orfografiya-petr-kropotkin/read/page-6.html> (дата обращения: 28.07.2019).
10. Максимов, С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1900.
11. Михеев, А. П. Тюрьмы общего устройства и арестантское отделение Тобольской губернии в конце — начале XX вв. — URL: http://museum.omскеlecom.ru/OGIK/Izvestiya_11/inhalt.htm (дата обращения: 28.07.2019).
12. Невольный Алтай. Легенды и были алтайских колоний. 21.09.2007. — URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/nevolniy-altay-legendi-i-bili-altayskih-koloniy-12995> (дата обращения: 28.07.2019).
13. Подлинная история ссыльного углического колокола. — URL: <http://www.kolokola.ru/history/uglich1.htm> (дата обращения: 28.07.2019).
14. Страницы истории. Мать Евдокия. — URL: <https://tyumedia.ru/22077.html> (дата обращения: 28.07.2019).
15. Тимченко, Ю. В. Тарская уездная тюрьма в начале XX века // Исторический архив Омской области. — URL: <http://iaoo.ru/note192.html> (дата обращения: 28.07.2019).
16. Тюремный замок. — URL: <https://megalektsii.ru/s19605t3.html> (дата обращения: 28.07.2019).
17. Устав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. — URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-8119/> (дата обращения: 28.07.2019).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ТЮРЕМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIX ВЕКА

ДЖ. КЕННАН¹ «СИБИРЬ И ССЫЛКА»²

...На земле перед входом в тюрьму сидели дюжина или больше молодых женщин и старух с корзинами, полными ржаного хлеба, холодного мяса, вареных яиц, молока и пирогов с рыбой — все это предназначалось для продажи арестантам. Первоначально она была рассчитана на 550 арестантов, но позднее ее вместимость увеличили за счет пристройки бараков до 850 человек. В день нашего посещения в ней находился 1741 заключенный, о чем извещала дощечка, прибитая возле дверей конторы...

Перед главным тюремным зданием бесцельно бродили или сидели группами на земле 50–60 ссыльных и каторжан. Все они с головы до ног были облачены в серую одежду, состоявшую из фуражки без козырька, рубахи и штанов из грубого домотканого полотна и длинного серого халата, на спине которого ниже плеч пришиты одна или две заплаты в виде бубнового туза из черного или желтого сукна. Почти все были в ножных кандалах, и в воздухе раздавался характерный звон цепей, так что казалось, будто беспрестанно звякают многочисленные связки ключей.

Первая камера, в которую мы вошли, находилась в одноэтажном бревенчатом бараке... Помещение имело около 35 футов в длину, 25 футов в ширину и 12 футов в высоту. Грубый дощатый пол был черен от высохшей грязи и нечистот, втопанных в него множеством ступавших по нему ног; освещалось оно тремя забранными решетками окнами, выходящими на тюремный двор. Посередине помещения, занимая чуть ли не половину его, находились скамьи для спанья — деревянный помост в 12 футов шириной и 30 футов длиной, поддерживаемый на высоте 2 футов от пола крепкими подпорками. Каждая продольная балка этого помоста шла, начиная от середины, под уклон, подобно скату крыши так, что когда заключенные ложились на него двумя поперечными рядами, их головы в середине помоста оказывались на несколько дюймов выше ног. Эти помосты известны под названием «нары». В камерах сибирских тюрем ничего больше нет, если не считать большой деревянной бадьи для нечистот. Арестанты не получают ни подушек, ни одеял, ни постельного белья и вынуждены лежать на жестких доща-

---

¹ В 1885 г. американский журналист Нью-Йоркского журнала «The Century» Дж. Кеннан получил «Открытый лист» Министерства внутренних дел России, чтобы ему оказывали «всякое законное содействие к исполнению возложенного на него поручения». Экспедиция задумывалась как средство для получения объективных, правдивых и непредвзятых материалов о жизни политических ссыльных в Сибири. С Кеннаном путешествовал художник Джордж Фрост. Он занимался зарисовками и фотографией. По возвращении из путешествия по России, Кеннан написал книгу «Сибирь и ссылка», изданную сначала в Нью-Йорке, а затем, в 1906 году, в России.

² Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. СПб., 1906. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-7953/> (дата обращения: 28.07.2019). *Здесь и следующих текстах орфография и пунктуация сохранена.*

тых нарах, укрывшись лишь своими халатами. Когда мы вошли в камеру, они разом, зазвенев цепями, вскочили на ноги, сняли шапки и плотной толпой молча стали вокруг нар.

– Здравствуйте, ребята! — сказал смотритель.

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие, — громко ответил хор из сотни хриплых голосов.

– Тюрьма, — говорит смотритель, — ужасно переполнена. Эта камера, к примеру, имеет только 35 футов в длину и 25 футов в ширину и рассчитана на 35, максимум 40 человек. Сколько тут человек спало этой ночью? — спросил он, обращаясь к арестантам.

– Сто шестьдесят, ваше высокоблагородие! — выкрикнули с полдюжины сиплых голосов.

– Вот видите, — снова обращается смотритель ко мне, — в камере в четыре раза больше арестантов, чем следует, и так во всей тюрьме...

– Воздух в коридорах и камерах, особенно на втором этаже, был неопишимо и невыразительно омерзителен. Казалось, каждым кубическим футом им дышали уже столько раз, что в нем не оставалось ни атома кислорода: он был пропитан микробами лихорадки из непроветриваемых больничных палат, смрадными испарениями больных легких и невымытых тел, а также зловонием идущих из неопорожненных ведер экскрементов, стоящих в конце коридора.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»¹

Как входите в ограду — видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся два длинных одноэтажных сруба. Это казармы. Здесь живут арестанты, размещенные по разрядам. Потом, в глубине ограды, еще такой же сруб: это кухня, разделенная на две артели; далее еще строение, где под одной крышей помещаются погребца, амбары, сарай. Средина двора пустая и составляет ровную, довольно большую площадку. Здесь строятся арестанты, происходит поверка и переключка утром, в полдень и вечером, иногда же и еще по нескольку раз в день, — судя по мнительности караульных и их уменью скоро считать. Кругом, между строениями и забором, остается еще довольно большое пространство.

Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали на всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом.

На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все — обруганное, ошельмованное.

Помещалось нас в остроге всего человек двести пятьдесят — цифра почти постоянная. Одни приходили, другие кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тут не было! Я думаю, каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей. Были и инородцы, было несколько ссыльных даже из кавказских горцев. Все это разделялось по степени преступлений, а следовательно, по числу лет, определенных за преступление. Надо полагать, что не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя. Главное основание всего острожного населения составляли ссыльнокаторжные разряда гражданского (сильнокаторжные, как наивно произносили сами арестанты).

Это были преступники, совершенно лишенные всяких прав состояния, отрезанные ломти от общества, с проклейменным лицом для вечного свидетельства об их отвержении. Они присылались на работу на сроки от восьми до двенадцати лет и потом рассылались куда-нибудь по сибирским волостям в поселенцы. Были преступники и военного разряда, не лишенные прав состояния, как вообще в русских военных арестантских ротах. Присылались они на короткие сроки; по окончании же их поворачивались туда же, откуда пришли, в солдаты, в сибирские линейные батальоны. Многие из них почти тотчас же возвращались обратно в острог за вторичные важные преступления, но уже не на короткие сроки, а на двадцать лет. Этот разряд назывался «всегдашним». Но «всегдашние» все еще не совершенно лишались всех прав состояния. Наконец, был еще один особый разряд самых страшных преступ-

---

¹ Достоевский, Ф. М. Записки из мертвого дома. URL: <https://ilibrary.ru/text/61/p.2/index.html> (дата обращения: 28.07.2019).

ников, преимущественно военных, довольно многочисленный. Назывался он «особым отделением».

Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вечными и срока работ своих не знали. По закону им должно было удвоить и утроить рабочие уроки. Содержались они при остроге впредь до открытия в Сибири самых тяжелых каторжных работ. «Вам на срок, а нам вдоль по каторге», — говорили они другим заключенным. Я слышал потом, что разряд этот уничтожен. Кроме того, уничтожен при нашей крепости и гражданский порядок, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумеется, с этим вместе переменялось и начальство.

Были здесь убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаман разбойников. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находным деньгам или по столовской части. Были и такие, про которых трудно было решить: за что бы, кажется, они могли прийти сюда? А между тем у всякого была своя повесть, смутная и тяжелая, как угар от вчерашнего хмеля. Вообще о былом своем они говорили мало, не любили рассказывать и, видимо, старались не думать о прошедшем. Я знал из них даже убийц до того веселых, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться об заклад, что никогда совесть не сказала им никакого упрека. Но были и мрачные лица, почти всегда молчаливые. Вообще жизнь свою редко кто рассказывал, да и любопытство было не в моде, как-то не в обычае, не принято. Так разве, изредка, разговорится кто-нибудь от безделья, а другой хладнокровно и мрачно слушает. Никто здесь никого не мог удивить.

Замечу, кстати, что этот народ был действительно грамотный и даже не в переносном, а в буквальном смысле. Наверно, более половины из них умело читать и писать.

Различались все разряды по платью: у одних половина куртки была темно-бурая, а другая серая, равно и на панталонах — одна нога серая, а другая темно-бурая.

Были и такие, у которых вся куртка была одного серого сукна, но только рукава были темно-бурые. Голова тоже брилась по-разному: у одних половина головы была выбрита вдоль черепа, у других поперек.

С первого взгляда можно было заметить некоторую резкую общность во всем этом странном семействе; даже самые резкие, самые оригинальные личности, царившие над другими невольно, и те старались попасть в общий тон всего острога. Вообще же скажу, что весь этот народ, — за некоторыми немногими исключениями неистоцимо-веселых людей, пользовавшихся за это всеобщим презрением, — был народ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и в высшей степени формалист. Способность ничему не удивляться была величайшею добродетелью. Все были помешаны на том, как наружно держать себя. Но нередко самый заносчивый вид с быстротою молнии сменялся на самый малодушный.

Бывали характеры резко выдающиеся, трудно, с усилием подчинявшиеся, но все-таки подчинявшиеся. Приходили в острог такие, которые уж слишком зарвались, слишком выскочили из мерки на воле, так что уж и пре-

ступления свои делали под конец как будто не сами собой, как будто сами не зная зачем, как будто в бреду, в чад; часто из тщеславия, возбужденного в высочайшей степени. Но у нас их тотчас осаживали, несмотря на то что иные, до прибытия в острог, бывали ужасом целых селений и городов. Оглядываясь кругом, новичок скоро замечал, что он не туда попал, что здесь дивить уже некого, и неприметно смирялся и попадал в общий тон.

Ножи и всякие острые инструменты страшно запрещались в остроге. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказания жестокие; но так как трудно отыскать у вора, когда тот решится что-нибудь особенно спрятать, и так как ножи и инструменты были всегдашней необходимостью в остроге, то, несмотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые.

Арестанты почти все говорили ночью и бредили. Ругательства, воровские слова, ножи, топоры чаще всего приходили им в бреду на язык.

Казенная каторжная крепостная работа была не занятием, а обязанностью: арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог. На работу смотрели с ненавистью. Без своего особого, собственного занятия, которому бы он предан был всем умом, всем расчетом своим, человек в остроге не мог бы жить.

Казенная каторжная крепостная работа была не занятием, а обязанностью: арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог. На работу смотрели с ненавистью. Без своего особого, собственного занятия, которому бы он предан был всем умом, всем расчетом своим, человек в остроге не мог бы жить.

Собственно труд, занятие не запрещались; но строго запрещалось иметь при себе, в остроге, инструменты, а без этого невозможна была работа. Но работали тихонько, и, кажется, начальство в иных случаях смотрело на это не очень пристально. Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастеровыми. Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и резчики, и золотильщики. Заказы работ добывались из города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро.

А в каторге можно было даже иметь и вино. Трубки были строжайше запрещены, но все их курили. Деньги и табак спасали от цинготной и других болезней. Работа же спасала от преступлений: без работы арестанты поели бы друг друга, как пауки в стеклянке. Несмотря на то, и работа и деньги запрещались. Нередко по ночам делались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное, и — как ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикам. После каждого обыска виноватый, кроме того, что лишался всего своего состояния, бывал обыкновенно больно наказан. Но, после каждого обыска, тот час же пополнялись недостатки, немедленно заводились новые вещи, и все шло по-старому. И начальство знало об этом, и арестанты не роптали на наказания, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горе Везувии.

Кто не имел мастерства, промышлял другим образом. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли, например, одним перекупством, а продавались иногда такие вещи, что и в голову не могло бы прийти кому-нибудь за стенами острога не только покупать и продавать их, но даже считать вещами.

Вообще все воровали друг у друга ужасно. Почти у каждого был свой сундук с замком, для хранения казенных вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали.

Арестанты, хоть и в кандалах, ходили свободно по всему острогу, ругались, пели песни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногие), а по ночам иные заводили картеж. Самая работа, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжною, и только довольно долго спустя догадался, что тягость и каторжность этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она — принужденная, обязательная, из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; но он работает на себя, работает с разумною целью, и ему несравненно легче, чем каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работе. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжного, то сама в себе, как работа, она разумна: арестант делает кирпич, копает землю, штукатурит, строит; в работе этой есть смысл и цель. Каторжный работник иногда даже увлекается ею, хочет сработать ее ловчее, скорее, лучше. Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно.

Зимою же в нашей крепости казенных работ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртыш ломать старые казенные барки, работали по мастерским, разгребали у казенных зданий снег, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастр и проч. и проч. Зимний день был короток, работа кончалась скоро, и весь наш люд возвращался в острог рано, где ему почти бы нечего было делать, если б не случилось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, может быть, только треть арестантов, остальные же били баклуши, слонялись без нужды по всем казармам острога, ругались, заводили меж собой интриги, истории, напивались, если наворачивались хоть какие-нибудь деньги; по ночам проигрывали в карты последнюю рубашку, и все это от тоски, от праздности, от нечего делать.

Также и пища показалась мне довольно достаточною. Арестанты уверяли, что такой нет в арестантских ротах европейской России. Об этом я не берусь судить: я там не был. К тому же многие имели возможность иметь собственную пищу. Говядина стоила у нас грош за фунт, летом три копейки. Но собственную пищу заводили только те, у которых водились постоянные деньги; большинство же каторги ело казенную.

Кандалы мои были неформенные, кольчатые, «мелкозвон», как называли их арестанты. Они носились наружу. Форменные же острожные кандалы, приспособленные к работе, состояли не из колец, а из четырех железных

пругьев, почти в палец толщиной, соединенных между собою тремя кольцами. Их должно было надевать под панталоны. К срединному кольцу привязывался ремень, который в свою очередь прикреплялся к поясному ремню, надевавшемуся прямо на рубашку.

Ругаться, «колотить» языком позволяется. Это отчасти и развлечение для всех. Но до драки не всегда допустят, и только разве в исключительном случае враги подерутся. О драке донесут майору; начнутся розыски, приедет сам майор, — одним словом, всем нехорошо будет, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлечения, для упражнения в слоге. Нередко сами себя обманывают, начинают с страшной горячей, остервенением.

Выходя из острога на работу, арестанты строились перед кордегардией в два ряда; спереди и сзади арестантов выстроивались конвойные солдаты с заряженными ружьями. Являлись: инженерный офицер, кондуктор и несколько инженерных нижних чинов, приставов над работами. Кондуктор рассчитывал арестантов и посылал их партиями куда нужно на работу.

До женщин было трудно добраться. Надо было выбирать время, место, условливаться, назначать свидания, искать уединения, что было особенно трудно, склонять конвойных, что было еще труднее, и вообще тратить бездну денег, судя относительно. Но все-таки мне удавалось впоследствии, иногда, быть свидетелем и любовных сцен.

Вскоре после праздников я сделался болен и отправился в наш военный госпиталь. Он стоял особняком, в полуверсте от крепости. Это было длинное одноэтажное здание, окрашенное желтой краской. Летом, когда происходили ремонтные работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромном дворе госпиталя помещались службы, дома для медицинского начальства и прочие природные постройки. В главном же корпусе располагались одни только палаты. Палат было много, но арестантских всего только две, всегда очень наполненных, но особенно летом, так что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякого рода «несчастливым народом». Ходили туда наши, ходили разного рода военные подсудимые, содержащиеся на разных абвахтах, решенные, нерешенные и пересылочные; ходили и из исправительной роты — странного заведения, в которое отсылались провинившиеся и малонадежные солдатики из батальонов для поправления своего поведения и откуда года через два и больше они обыкновенно выходили такими мерзавцами, каких на редкость и встретить. Заболевшие из арестантов у нас обыкновенно поутру объявляли о болезни своей унтер-офицеру. Их тотчас же записывали в книгу и с этой книгой отсылали больного с конвойным в батальонный лазарет. Там доктор предварительно свидетельствовал всех больных из всех военных команд, расположенных в крепости, и кого находил действительно больным, записывал в госпиталь. Меня отметили в книге, и во втором часу, когда уже все наши отправились из острога на послеобеденную работу, я пошел в госпиталь. Больной арестант обыкновенно брал с собой сколько мог денег, хлеба, потому что на тот день не мог ожидать себе в госпитале порции, крошечную трубочку и кисет с

табаком, кремнем и огнивом. Эти последние предметы тщательно запрятывались в сапоги. Я вступил в ограду госпиталя не без некоторого любопытства к этой новой, не знакомой еще мне варьяции нашего арестантского житья-бытья. Мы с конвойным вошли в приемную, где стояли две медные ванны и где уже дожидались двое больных, из подсудимых, тоже с конвойными. Вошел фельдшер, лениво и со властью оглядел нас и еще ленивее отправился доложить дежурному лекарю. Тот явился скоро; осмотрел, обошелся очень ласково и выдал нам «скорбные листы», в которых были обозначены наши имена. Дальнейшее же расписание болезни, назначение лекарств, порции и проч. предоставлялось уже тому из ординаторов, который заведовал арестантскими палатами.

Платье и белье, в котором мы пришли, от нас отобрали и одели нас в белье госпитальное да, сверх того, выдали нам длинные чулки, туфли, колпаки и толстые суконные бурого цвета халаты, подшитые не то холстом, не то каким-то пластырем. Одним словом, халат был до последней степени грязен; но оценил я его вполне уже на месте. Затем нас повели в арестантские палаты, которые были расположены в конце длиннейшего коридора, высокого и чистого. Наружная чистота везде была очень удовлетворительна; все, что с первого раза бросалось в глаза, так и лоснилось. Впрочем, это могло мне так показаться после нашего острога. Двое подсудимых пошли в палату налево, я направо. У двери, замкнутой железным болтом, стоял часовой с ружьем, подле него подчасок. Младший унтер-офицер (из госпитального караула) велел пропустить меня, и я очутился в длинной и узкой комнате, по обеим продольным стенам которой стояли кровати, числом около двадцати двух, между которыми три-четыре еще были не заняты. Кровати были деревянные, окрашенные зеленой краской, слишком знакомые всем и каждому у нас на Руси, — те самые кровати, которые, по какому-то предопределению, никак не могут быть без клопов. Я поместился в углу, на той стороне, где были окна.

В палате был чрезвычайно удушливый, больничный запах. Воздух был заражен разными неприятными испарениями и запахом лекарств, несмотря на то, что почти весь день в углу топилась печка. На моей койке был надет полосатый чехол. Я снял его. Под чехлом оказалось суконное одеяло, подшитое холстом, и толстое белье слишком сомнительной чистоты. Возле койки стоял столик, на котором была кружка и оловянная чашка. Все это для приличия прикрывалось выданным мне маленьким полотенцем. Внизу столика была еще полка: там сохранялись у пивших чай чайники, жбаны с квасом и проч.; но пивших чай между больными было очень немного. Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, не исключая даже и чахоточных, прятались под койки. Доктор и другие из начальников почти никогда их не осматривали, а если и заставляли кого с трубкой, то делали вид, что не замечают.

Сколько я мог заметить, действительно больные лежали здесь все более цинготною и главною болезнями — местными болезнями тамошнего края. Таких было в палате несколько человек. Из других, действительно больных,

лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здесь не так, как в других палатах, здесь были собраны в кучу все болезни, даже венерические.

Содержание на абвахтах и в острогах казалось сравнительно госпитальным до того плохо, что многие арестанты с удовольствием приходили лежать, несмотря на спертый воздух и запертую палату. Были даже особенные любители лежания и вообще госпитального житья-бытья; всех более, впрочем, из исправительной роты.

И хотя в палате, кроме тяжелого запаха, снаружи все было по возможности чисто, но внутренней, так сказать подкладочной, чистотой у нас далеко не щеголяли.

Между тем смерклось, зажгли ночник. У некоторых из арестантов оказались даже свои собственные подсвечники, впрочем очень не у многих. Наконец, уже после вечернего посещения доктора, вошел караульный унтер-офицер, сосчитал всех больных, и палату заперли, внеся в нее предварительно ночной ушат... Я с удивлением узнал, что этот ушат остается здесь всю ночь, тогда как настоящее ретирадное место было тут же в коридоре, всего только два шага от дверей. Но уже таков был заведенный порядок. Днем арестанта еще выпускали из палаты, впрочем не более как на одну минуту; ночью же ни под каким видом. Арестантские палаты не походили на обыкновенные, и больной арестант даже и в болезни нес свое наказание.

Не могу не сказать об этом хотя несколько слов, прежде чем приступлю к продолжению моего описания. Я говорю о кандалах, от которых не избавляет никакая болезнь решенного каторжника. Даже чахоточные умирали на моих глазах в кандалах. И между тем все к этому привыкли, все считали это чем-то совершившимся, неотразимым. Вряд ли даже и задумывался кто-нибудь об этом, когда даже и из докторов никому и в ум не пришло, во все эти несколько лет, хоть один раз походатайствовать у начальства о расковке труднобольного арестанта, особенно в чахотке. Положим, кандалы сами по себе не бог знает какая тягость. Весу они бывают от восьми до двенадцати фунтов. Носить десять фунтов здоровому человеку неотягчительно.

Доктора обходили палаты поутру; часу в одиннадцатом являлись они у нас все вместе, сопровождая главного доктора, а прежде них, часа за полтора, посещал палату наш ординатор. В то время у нас был ординатором один молоденький лекарь, знающий дело, ласковый, приветливый, которого очень любили арестанты и находили в нем только один недостаток: «слишком уж смирен». В самом деле, он был как-то неразговорчив, даже как будто конфузился нас, чуть не краснел, изменял порции чуть не по первой просьбе больных и даже, кажется, готов был назначать им и лекарства по их же просьбе.

Наш ординатор обыкновенно останавливался перед каждым больным, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривал его и опрашивал, назначал лекарства, порции. Иногда он и сам замечал, что больной ничем не болен; но так как арестант пришел отдохнуть от работы или полежать на тюфяке, вместо голых досок, и, наконец, все-таки в теплой комнате, а не в сырой кордегардии, где в тесноте содержатся густые кучи бледных и испитых подсудимых (подсудимые у нас почти всегда, на всей Руси, бледные и испитые —

признак, что их содержание и душевное состояние почти всегда тяжелее, чем у решенных), то наш ординатор спокойно записывал им какую-нибудь febriscatarhalis¹ и оставлял лежать иногда даже на неделю. Над этой febriscatarhalis все смеялись у нас. Знали очень хорошо, что это принятая у нас, по какому-то обоюдному согласию между доктором и больным, формула для обозначения притворной болезни; «запасные колотья», как переводили сами арестанты febriscatarhalis. Иногда больной злоупотреблял мягкосердием лекаря и продолжал лежать до тех пор, пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: он как будто робел, как будто стыдился прямо сказать больному, чтоб он выздоравливал и скорее бы просился на выписку, хотя и имел полное право просто-запросто безо всяких разговоров и умасливаний выписать его, написав ему в скорбном листе sanatest². Старший доктор хоть был и человеколюбивый и честный человек (его тоже очень любили больные), но был несравненно суровее, решительнее ординатора, даже при случае выказывал суровую строгость, и за это его у нас как-то особенно уважали. Он являлся в сопровождении всех госпитальных лекарей, после ординатора, тоже свидетельствовал каждого поодиночке, особенно останавливался над трудными больными, всегда умел сказать им доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производил хорошее впечатление.

---

¹ Катаральная лихорадка (лат.).

² Здоров (лат.).

В. Г. КОРОЛЕНКО. «ЯШКА»¹

...Нас ввели в коридор одной из сибирских тюрем², длинный, узкий и мрачный. Одна стена его почти сплошь была занята высокими окнами, выходившими на небольшой квадратный дворик, где обыкновенно гуляли арестанты. Теперь, по случаю нашего прибытия, арестантов "загнали" в камеры. Вдоль другой стены виднелись на небольшом расстоянии друг от друга двери "одинок". Двери были черны от времени и частых прикосновений и резко выделялись темными четырехугольниками на серой, грязной стене. Над дверями висели дощечки с надписями: "За кражу", "За убийство", "За грабеж", "За бродяжничество", а в середине каждой двери виднелось квадратное отверстие со стеклышком, закрываемое снаружи деревянною заслонкой. Все заслонки были отодвинуты, и из-за стекол на нас смотрели любопытные, внимательные глаза заключенных.

Мы повернули раз и другой. Над первою дверью третьего корпуса я прочел надпись: «Умалишенный», над следующею — то же. Над третьей надписи не было, а над четвертой я разобрал те же слова. Впрочем, не надо было и надписи, чтобы угадать, кто обитатель этой каморки, — из-за ее двери неслись какие-то дикие, тоскующие, за сердце хватающие звуки. Человек ходил, по-видимому, взад и вперед за своею дверью, выкрикивая что-то похожее то на еврейскую молитву, то на горький плач с причитаниями, то на дикую плясовую песню. Когда он смолкал, а в коридоре наступала тишина, тогда можно было различить монотонное чтение какой-то молитвы, произносимой в первой камере однозвучным голосом. Дальше видны были еще такие же двери, и из-за них слышалось мерное звяканье цепей. Надпись гласила: «За убийство».

Это был «коридор подследственного отделения», куда нас поместили за отсутствием помещения для пересыльных. По той же причине, то есть за отсутствием особого помещения, в этом коридоре содержались трое умалишенных. Наша камера, без надписи, находилась между камерами двух умалишенных, только справа от одной из них отделялась лестницей, над которой висела доска: «Вход в малый верх».

<...>

Пять шагов в длину, три с половиной в ширину — вот размеры нового нашего жилища. Стекла в небольшом, в квадратный аршин, окне разбиты, и в него видна, на расстоянии двух сажен, серая тюремная стена. Углы камеры тонули в каком-то неопределенном полумраке. Карнизы оттенены траурною каймой многолетней пыли, стены серы, и, при внимательном взгляде, видны на них особые пятна — следы борьбы какого-нибудь страдальца с клопами и тараканами, — борьбы, быть может, многолетней, упорной. Я не мог освободиться от ощущения особого рода неприятного запаха, который, как мне казалось, несся от этих стен. Внизу, у самого пола, в кирпич было

---

¹ Короленко, В. Г. Яшка. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/28782-vladimir-korolenko-yashka.html> (дата обращения: 28.07.2019).

² Тобольск.

вделано толстое железное кольцо, назначение которого для нас было ясно: к нему была некогда приделана короткая цепь... Две кровати, стул и маленький столик составляли роскошь «одиночки», которую ей, быть может, привелось видеть впервые. В остальных камерах, таких же, как наша, не было ничего, кроме тюфяка, брошенного на пол, и живого существа, которое на нем валялось...

<...>

Мы заткнули разбитое окно казенной подушкой. Запах несколько уменьшился, или мы притерпелись, но только тоскливое чувство, внушенное нашей беспомощностью, тишиной, бездеятельностью одиночки, из острого стало переходить в тупое, хроническое... Мы стали прислушиваться к тихому жужжанию внешней жизни, прорывавшемуся сквозь крепкие двери.

Внешняя жизнь для нас была жизнь двора и коридора тюрьмы. В дверное оконце, когда его забывали закрыть наружной заслонкой, виднелись гуляющие арестанты. Они «толкались» по квадратному дворику парами, тихо и без шума. Казалось, серые халаты налагали какое-то обязательство тихой солидности.

В известные часы по двору проносилась команда: «Пошел за кипятком!», «Пошел за хлебом!», «Обедать пошел!», «По-шо-ол, расходись по камерам!» Выпускали на время подследственных из строгого одиночного заключения или каторжников в цепях. Последние еще солиднее прохаживались по коридору: цепи уже, несомненно, налагали это обязательство. Под вечер где-то на третьем дворе раздавался звонок: приближалась «поверка». Ежедневно в семь часов смотритель или его помощник обходили с караульным офицером и конвоем солдат все камеры, считая заключенных.

П. КРОПОТКИН «В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ТЮРЬМАХ»¹

К счастью, подобное путешествие продолжается лишь несколько дней, так как в Тюмени ссыльных пересаживают на специальные баржи, плавучия тюрьмы, буксируемые пароходами, и через 8–10 дней они прибывают в Томск. Едва ли нужно говорить, что превосходная идея сокращения таким образом на половину длинного пути через Сибирь, по обыкновению, очень сильно пострадала при ее применении. Арестантские баржи бывают настолько переполнены и находятся в таком грязном состоянии, что, обыкновенно, являются очагами заразы. «Каждая баржа была построена для перевозки 800 арестантов и их конвоя», — говорит томский корреспондент «Московского Телеграфа» (15 ноября, 1881 г.), «вычисление размеров баржи не было сделано, однако, в соответствии с требованиями гигиены; главным образом принимались в соображение интересы господ пароходоладельцев, Курбатова и Игнатова. Эти господа занимают для своих собственных надобностей два отделения, рассчитанных на 100 человек каждое, и таким образом 800 арестантов приходится размещаться на таком пространстве, которое первоначально назначалось лишь для 600 чел. Вентиляция барж очень плоха, в сущности, для нее не сделано никаких приспособлений; а отхожая места — отвратительны». Корреспондент прибавляет, что «смертность на этих баржах очень велика, особенно среди детей», и его сообщение вполне подтверждается цифрами официальных отчетов за прошлый год. Из них видно, что от 8 до 10 % всего числа арестантов умирает во время девятидневного путешествия на этих баржах, т. е., от 60 до 80 чел. на 800 душ.

<...>

В Томске ссыльные останавливаются на несколько дней. Часть из них, особенно уголовные, высылаемые административно, отправляются в какой-нибудь уезд Томской губернии, простирающейся от вершин Алтая на юге до Ледовитого океана на севере. Остальных отправляют дальше на восток. Можно себе представить, в какой ад обращается Томская тюрьма, когда прибывающие каждую неделю арестантские партии не могут быть немедленно отправляемы в Иркутск, вследствие разлива рек или какого-либо другого препятствия. Тюрьма эта была построена на 960 душ, но в ней никогда не бывает меньше 1300–1400 арестантов, а иногда их число доходит до 2200 и даже более. Почти всегда около 1/4 их общего числа бывают больны, а тюремный госпиталь может поместить не более 1/3 всего количества заболевших; вследствие этого больные остаются в тех же камерах, валяясь на нарах или под нарами, на ряду с здоровыми, причем переполнение доходит до того, что трем арестантам приходится довольствоваться местом, предназначенным для одного. Стоны больных, вскрикивание находящихся в бреду, хрипение умирающих смешиваются с

---

¹ Кропоткин, П. В русских и французских тюрьмах. URL: <https://itexts.net/avtor-petr-alekseevich-kropotkin/200941-v-russkih-i-francuzskih-tyurmah-sovremennaya-orfografiya-petr-kropotkin/read/page-6.html> (дата обращения: 18.06.2019).

шутками и хохотом здоровых и руганью надзирателей. Испарение этой грязной кучи человеческих тел смешиваются с испарениями их грязной и мокрой одежды и обуви и вонью ужасной «параши». — «Вы задыхаетесь, входя в камеру и, во избежание обморока, должны поскорее выскочить из нее на свежий воздух; к ужасной атмосфере, висящей в камерах, подобно туману над реками, можно привыкнуть только исподволь», — таково свидетельство всех, кому приходилось посещать сибирские тюрьмы. Камера «семейных» еще более ужасна. «Здесь вы можете видеть», — говорит г. Мишла, сибирский чиновник, заведывавший тюрьмами, — «сотни женщин и детей, стиснутых в крохотном пространстве, и переносящих невообразимые бедствия». Добровольно следующие семьи ссыльных не получают казенной одежды. Так как их жены, в большинстве случаев, принадлежат к крестьянскому сословию, то почти никогда не имеют больше одной смены одежды; проживши впроголодь чуть ли не с того дня, когда муж, кормилец семьи, был арестован, они одевают свою единственную одежку и идут в путь из Астрахани или Архангельска и, после долгаго путешествия из одной тюрьмы в другую, после долгих годов задержек в острогах и месяцев пути, эта единственная одежда превращается в изодранные тряпки, едва держащиеся на плечах. Нагое изможденное тело и израненные ноги выглядывают из-под лохмотьев платья этих несчастных женщин, сидящих на грязном полу, прожевывая черствый хлеб, поданный добросердечными крестьянами. Среди этой массы человеческих тел, покрывающих каждый вершок нар и ютящихся под ними, вы нередко можете увидеть ребенка, умирающего на коленях матери и рядом с ним — другого, только что рожденного. Это новорожденное дитя является радостью и утешением женщин, из которых каждая гораздо человечнее, чем любой смотритель или надзиратель. Ребенка передают из рук в руки, его дрожащее тельце прикрывают лучшими тряпками, ему расточают самые нежные ласки... Сколько детей выросло при таких условиях! Одно из них стоит теперь возле меня, когда я пишу эти строки и повторяет мне рассказы, которые она часто слышала от матери, о доброте «злодеев» и безчеловечии «начальства». Она рассказывает мне об игрушках, которыми ее занимали арестанты во время томительного путешествия, — простых игрушках, в которые было вложено больше доброго сердца, чем искусства; она рассказывает о притеснениях, о вымогательствах, о свисте нагаек, о проклятиях и ударах, расточавшихся «начальством».

Тюрьма, однако, мало-по-малу освобождается от излишка населения: арестантские партии пускаются в путь. Еженедельно партии в 500 чел. каждая, включая женщин и детей, отправляются, если только погода и состояние рек позволяет это, из Томской тюрьмы и пускаются в длинный путь пешком до Иркутска и Забайкалья. У тех, кому приходилось видеть подобную партию в пути, воспоминание о ней остается навсегда в памяти. Русский художник, Якоби, попытался изобразить ее на холсте; его картина производит удручающее впечатление, но действительность еще ужаснее.

Пред вами — болотистая равнина, по которой носится леденящий ветер, взметая снег, начавший покрывать замерзшую землю. Топи, заросшие там и сям мелким кустарником и искривленными деревьями, согнувшимися от ветра и тяжести снега, тянутся кругом, насколько захватывает глаз; до ближайшей деревни верст 30 расстояние. Вдали, в сумерках обрисовываются силуэты пригорков, покрытых густым сосновым лесом; по небу тянутся серые снежные тучи. Дорога, утыканная по сторонам вехами, чтобы отличить ее от окружающей равнины, изрытая следами тысяч повозок, изрезанная колеями, могущими сломать самое крепкое колесо, вьется по обнаженной болотистой равнине. Партия медленно плетется по этой дороге; шествие открывает ряд солдат. За ними тяжело выступают каторжане, с бритой головой, в сером халате, с желтым тузом на спине, в истрепанных от долгого пути котлах, в дыры которых торчат тряпки, обертывающие израненные ноги. На каждом каторжанине надета цепь, заклепанная у щиколки, причем кольцо, охватывающее ногу, завернуто тряпкой — если ссыльному удалось собрать во время пути достаточно милостыни, чтобы заплатить кузнецу за более снисходительную ковку. Цепь идет вверх по ноге и подвешивается на пояс. Другая цепь тесно связывает обе руки и, наконец, третья соединяет от 6-8 арестантов. Каждое неловкое движение одного из такой сцепленной группы тотчас же чувствуется всеми его товарищами по цепи; сильному приходится тащить за собою слабых: останавливаться нельзя, до этапа далеко, а осенние дни коротки.

<...>

Что же касается 130.000 ссыльных (по другому исчислению эта цифра значительно меньше), остающихся под контролем администрации, они являются, согласно свидетельствам всех исследователей, как официальных так и добровольных, бременем для страны вследствие нищенского положения, в котором они находятся. Даже в наиболее плодородных губерниях Сибири, — как напр. Томская и южная часть Тобольской губ., — лишь 1/4 всего числа ссыльных имеет собственные дома и лишь 1 из 9-ти занимается земледелием. В восточных губерниях этот процент еще менее значителен. Те из ссыльных, которые не занимаются земледельческой работой, — а таких на всю Сибирь насчитывается около 100.000 мужчин и женщин, — обыкновенно бродят из города в город без постоянного занятия, ходят на золотые прииски и обратно, или перебиваются со дня на день по деревням в неопикуемой нищете, страдая всеми пороками, являющимися неизбежным последствием нищеты.

В объяснение этого явления можно указать на несколько причин. Но, по отзывам всех, главной из них является та деморализация, которой подвергаются арестанты во время заключения в тюрьмах и в течении долгого странствования по этапам. Еще задолго до прибытия в Сибирь, они уже деморализованы.

Вынужденная лень в течении нескольких лет в местных острогах, развившееся в острогах пристрастие к азартным карточным играм; систематическое подавление воли арестанта и развитие пассивности являются прямой противоположностью той моральной силы, которая

требуется для успешной колонизации молодой страны; нравственное разложение, потеря воли, развитие низких страстей, мелочных желаний и противообщественных идей, прививаемых тюрьмою — все это необходимо принять во внимание, чтобы вполне оценить всю глубину развращения, распространяемого нашими тюрьмами и понять, почему бывшие обитатели этих карательных учреждений навсегда теряют способность к суровой борьбе за существование в приполярной русской колонии.

Но тюрьма сокрушает не только нравственные силы арестанта; его физические силы, в большинстве случаев, также бывают подорваны долгим странствованием по этапам и пребыванием в каторжной работе. Многие арестанты наживают неизлечимые болезни и почти все отличаются физической слабостью. Что же касается тех из них, которым пришлось провести около 20 лет на каторге (попытка к побегу нередко доводит срок каторги до вышеуказанного размера), то они, в громадном большинстве случаев, оказываются совершенно неспособными к какой-либо работе. Даже поставленные в наилучшие условия, они будут все-таки бременем для общества. Но дело в том, что условия, при которых приходится работать поселенцу — очень тяжелы. Его посылают в какую-нибудь отдаленную деревню, где его наделяют землей — обыкновенно худшею в данной деревне — и он должен превратиться в земледельца. В действительности же такой поселенец не имеет никакого понятия об условиях земледелия в Сибири, и пробыв 3-4 года в тюрьме, он, кроме того, потерял всякую любовь к такого рода работе, если он даже занимался ею раньше. Крестьянская община встречает его с враждой и презрением. Для нее он «рассейский», т. е. нечто пренебрежительное в глазах сибиряка и, кроме того, он — ссыльный! Он принадлежит, с точки зрения сибиряка, к той громадной массе «дармоедов», перевозка и содержание которых стоит сибирскому крестьянину стольких расходов и хлопот. В большинстве случаев такой поселенец — холост и не может жениться, так как на шесть ссыльных мужчин приходится одна ссыльная женщина, а сибиряк не отдает ему своей дочери, несмотря на соблазн 50 р., выдаваемых в таких случаях казною, но обыкновенно исчезающих на половину в карманах чиновников, пока деньги эти достигнут места назначения. Сибирь не может пожаловаться на отсутствие бюрократических мечтателей, которые, напр., приказывали местным крестьянам строить дома для поселенцев и поселяли последних группами в 5-6 чел., мечтая создать таким образом ссыльно-поселенческую деревенскую идиллию. Все подобного рода замыслы обыкновенно заканчивались неуспехом. Пять поселенцев из шести, насильственно соединенных вышеуказанным образом, не выдерживали долго и, после бесполезной борьбы с голодом, убегали под чужим именем в города, или шли в поисках за работой на золотые прииски. Целые деревни пустых домов на большом сибирском пути до сих пор напоминают путешественнику о бесплодности официальных утопий, вводимых при помощи березовых розог.

учебное издание

кандидат исторических наук, доцент
Ольга Александровна БЕЛОУСОВА

ИСТОРИЯ ТЮРЕМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

учебное пособие

Редактор: Н. В. Балашова

Корректор: Т. Б. Аристова

Подписано в печать 27.12.2019.
Формат 60x84 1/16. Бумага книжно-журнальная.
Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 52 экз. Заказ № 46.

Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49
e-mail: nauka@kifsin.ru

Отпечатано в типографии
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49